

Андрей
Десницкий

Трудные места
Евангелия

Трудные места Евангелия

Здесь собраны статьи, которые выходили в свое время на порталах «Православие и мир» и «Богослов». В каждой из них разбирается одно из трудных мест Евангелия. Конечно, на каждое подобное место написано множество комментариев а рассматривать их можно с разных точек зрения. Здесь они обсуждаются с точки зрения христианской традиции.

Конечно, здесь разобрано лишь несколько подобных мест, и даже не самых важных. Речь не идет о том, как относиться к Евангелию в целом, как воспринимать истории о Рождестве или Воскресении Христа – впрочем, те, кто доверяют христианской традиции, уже, вероятно, решили для себя этот вопрос.

К евангельским отрывкам добавлены в качестве приложения и два других, из книги Бытия и из послания к Коринфянам.

Оглавление

«Не противься злumu».....	2
Обзывалки и геенна огненная	5
Говорил ли Христос о суде?.....	7
Хула на Духа.....	9
Зачем оправдывать Премудрость?.....	11
«За» и «против»	12
Неверный управитель	13
Гробницы пророкам	14
Мертвые погребают мертвецов.....	16
«Отойди от Меня, сатана!»	18
«Возьми крест свой»	19
Тайная Вечеря и иудейская Пасха.....	20
«Ты сказал».....	24
Воскресшие прежде Христа	26
Не только Евангелие: нагие и голые	28
Не только Евангелие: что Павел советовал рабам?	30

«Не противься злему»

Нагорная проповедь Христа изобилует выражениями, которые непросто бывает понять, а еще сложнее – применить в собственной жизни. Например, трудно встретить таких христиан, которые торопятся вырывать себе глаз, увидевший нечто соблазнительное – пожалуй, если применять это буквально, мы бы давно все ходили безглазыми. И есть в этой самой Проповеди одно требование, вроде бы не настолько радикальное, но всё же очень и очень трудное для нас: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся» (от Матфея 5:38-42).

Кстати, еще Ориген настаивал, что призыв подставлять другую щеку надо понимать иносказательно, ссылаясь на то, что бьют-то обычно правой рукой, и стало быть, по левой щеке. Допустим, про пощечину – это иносказательно. А как про рубашку? Как про поприще? Как про просящего (к нам ведь постоянно обращаются с просьбами)? И как, самое главное, быть с этим удивительным призывом «не противься злему»? Может быть, его и понимать надо несколько иначе: «не противьтесь злу»? Греческое выражение ἀντιστήναι τῷ πονηρῷ допускает и такое толкование: в дательном падеже не видно, употреблен мужской или средний род прилагательного. Наверное, окончательный ответ на этот вопрос в этом мире мы и не получим. Но можем попробовать хотя его поискать.

Прежде всего, следует посмотреть на контекст этой заповеди. Мы видим, что Нагорная проповедь обращена к отдельным людям, и эта заповедь тоже стоит в ряду заповедей, говорящих о межличностных отношениях. В свое время Л.Н. Толстой придавал ей универсальный характер, утверждая, например, что в случае нападения на твою страну воевать с захватчиками не надо, они со временем сами поймут, как плохо они поступают, и уйдут. Как показал весь опыт XX века, это совершенно неверно: ниоткуда не уходят захватчики добровольно. Но ведь Нагорная проповедь ничего подобного и не требует, как не призывает оставлять безнаказанными преступников, бьющих людей по щекам или отнимающих у них одежду. Общество обязано противостоять насилию, будь то насилие внешнее (война) или внутреннее (преступность), но каждый отдельный человек призывается в этой проповеди к отказу от отстаивания своих прав и от мести за их нарушение. Это совсем не одно и то же!

Но все равно остается вопрос: что имеется здесь в виду под «злым» или «злом», и что – под противлением ему? Что касается слова «зло», то можно только удивиться, как мало о нем говорится в Библии. Бытовая, повседневная религиозность обычно бывает заиклена на зле во всех его проявлениях: нечистая сила, грехи и пороки занимают в ней самое главное место, и суть даже всех положительных сторон такой религии сводится к тому, чтобы минимизировать воздействие вселенского зла на человека. Так это может выглядеть абсолютно во всех традициях без различий: многочисленные табу, обереги от демонов, списки грехов... Но ничего этого нет в Библии, хотя она много говорит о грехах и приводит списки запретных поступков (особенно много их в Ветхом Завете). Но само зло в ней далеко не занимает центрального места. Раскрыв библейский текст, можно только удивляться, как мало там сказано о зле.

Когда Бог творит этот мир, то постоянным рефреном звучат слова: «и увидел Бог, что это хорошо» (Бытие 1:10 и др.). Но откуда же тогда взялось зло на этом свете? Хотя мы знаем ответ, но не из книги Бытия: никакой истории о падших ангелах в ней нет. Змей-искуситель появляется там, где начинается история человека. Он предлагает Еве вкушать плодов с древа познания добра и зла – всё выглядит так, словно никакого зла и не было бы в жизни человека, если бы Ева его не послушалась. И так оно на самом деле и есть: добро и зло есть такая же пара, как день и ночь или море и суша, то есть не всегда существовали оба этих понятия. Было время, когда мир бы «хорош весьма», целиком и полностью, и в нем не было никакого зла, оно проникло в мир из-за сделанного человеком выбора. Что было до этого выбора, откуда взялся тот самый змей, в общем-то, не так уж и важно для человека, ведь Библия говорит не о мире ангелов, а о мире людей.

Это один из важнейших библейских уроков, которые люди склонны забывать: не существует никакого изначального и всесильного зла, от которого мы могли бы оградить себя при помощи обрядов, молитв и амулетов. Зло есть понятие относительное, оно возникает там, где человек отказывается от добра, как тьма в ясный полдень возникает только там, куда перекрыт доступ для света. И дальше, в той же самой книге Бытия, мы всюду видим, что о зле можно говорить лишь в связи с поведением человека: «помышление сердца человеческого – зло от юности его» (Бытие 8:21). Собственно, потому оказался необходим и Закон. «Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло» (Второзаконие 30:15) – то есть Закон упорядочивает понятия добра и зла так же, как ход небесных светил упорядочивает смену дня и ночи.

Кстати, и Закон постоянно подчеркивает этот межличностный характер зла: тот или иной грех есть «мерзость пред Господом» (напр., Второзаконие 23:18). То есть грех есть прежде всего вред, причиненный отношениям между Богом и человеком, или между людьми.

Но слово «зло», конечно, может употребляться и в других значениях. Самая удивительная цитата – Исайя 45:7. «Я образу свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия; Я, Господь, делаю все это». Синодальный перевод еще смягчает, а в оригинале там сказано не «произвожу бедствия», а буквально «творю зло» (בֹּרֵא גַּם), причем употреблен тот же самый глагол בָּרָא, что и в истории о сотворении мира. По одной этой цитате можно было бы подумать, что добро и зло в равной мере сотворены Господом. Но параллель «образую свет и творю тьму», которая явно отсылает нас к истории о сотворении мира, все объясняет: Господь, конечно же, не творил тьмы так, как он сотворил свет. Тьма есть отсутствие света, и Господь как Владыка этого мира может сделать так, что тот или иной человек окажется во тьме. И «зло» в данном случае – это действительно бедствие, которое приключается с человеком. Это, казалось бы, совсем другое значение этого слова, но на самом деле оно очень похоже на первое, на зло, которое человек творит по отношению к Богу или к другому человеку. Только здесь злом называется уже скорее реакция на изначальное зло, то повреждение, которое возникло в отношениях между Богом и людьми и которое имеет самые печальные для людей последствия.

Очень интересна в этом отношении книга пророка Ионы. Она, пожалуй, заслуживает того, чтобы назвать ее ветхозаветным трактатом о зле, только вместо скучных определений в ней даны живые и яркие рассказы. Слово הָרַע «зло» употреблено в ней 9 раз (1:2, 1:7, 1:8, 3:7, 3:8, 3:10, 4:1, 4:2, 4:6), но ни один перевод не может сохранить тут последовательности. Судите сами: жители города Ниневии творят *злodeяния* перед Богом, и за это Бог решает их покарать *бедствиями*. Возвестить их городу должен пророк Иона, но он бежит от своей миссии, и тогда корабль, на котором он плывет, попадает в *злую* бурю. Он все же проповедует ниневитянам, и тогда они раскаиваются в своих *злodeяниях*, и Господь отменяет *бедствие*. Иону же охватывает *злость* по этому поводу: как это они останутся безнаказанными? Тогда Господь ставит его самого в трудное положение: *злой зной* мучает его, и нет никакой защиты. Господь дает Ионе урок милосердия, а нам всем показывает, что такое на самом деле зло, откуда оно возникает, к чему приводит, и как можно от него избавиться. И когда мы размышляем о евангельской заповеди, то пример Ионы, пожалуй, будет очень кстати: он ведь именно что боролся со злом, стремился его наказать, говорил с ним на одном языке... Господь взял и принял это зло на Себя, простил этих людей, а Иона не сразу готов был с этим согласиться.

Но что такое «противиться» в данном случае? Греческий глагол ἀντιστηναι означает противоборство, противостояние, часто военного или судебного характера. Судебный контекст задан стихами 25-26 той же главы: «мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу; истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта». Вот, собственно, и первый ответ на этот вопрос: не судись со злодеем, а то еще не известно, выйдешь ли ты сам с этого суда оправданным.

В Новом Завете этот глагол встречается еще несколько раз, в основном в значении активного противодействия: «А Елима волхв ... противился им, стараясь отвратить проконсула от веры» (Деяния 13:8). То есть не просто возражал, но предпринимал некие контр-меры, боролся за свою идею. Потерпел поражение, как мы видим.

Очень интересную параллель можно найти в Римлянам 13:2, где этот глагол использован целых три раза: «Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение». Подобные высказывания Павла не раз вызывали в истории вопросы: это что же, надо безропотно исполнять любые повеления властей? А если они расходятся с ясно выраженной в заповедях волей Божьей? Что же тогда христианские мученики отказывались принести жертву идолам по первому требованию законных властей? Но не противиться и не противостоять еще не значит во всем соглашаться. Мученики отказались выполнять требования своих правителей, но они не поднимали восстаний, не пытались эти власти свергнуть. Иными словами, они не боролись со злом методами зла, не старались победить дракона, чтобы самому стать драконом. К сожалению, далеко не всегда так это выглядело в истории Церкви.

В Послании Иакова 4:7 мы читаем слова, которые как будто противоречат евангельской заповеди: «Итак покоритесь Богу; противостаньте диаволу, и убежит от вас». Даже глагол там употреблен тот же самый, ἀντιστηναι. Что же, Иаков советует нечто противоположное тому, чему учил Иисус? Ведь диавол и есть самое высшее проявление зла, так что противостоять ему и значит противостоять злу в наивысшей степени.

На самом деле, никакого здесь нет противоречия. Противодействовать можно именно что диаволу, тому самому змею, который искушал Еву – злomu волевому началу, сознающему себя и навязывающему себя человеку. Вся христианская аскетика – попытка на практике исполнить это наставление Иакова, противодействовать искушению. Но в Библии слово «зло», как мы уже выяснили, обозначает нечто из области межличностных отношений: это разрушение завета между Богом и людьми и все беды, которые из этого проистекают. Это не абсолютное зло, шепчущее тебе на ухо, а та беда, которая приходит к тебе от других людей или твоих собственных поступков.

Следовательно, мы можем предположить, что призыв Христа не противиться злему означает никак не капитуляцию перед дьяволом, но отказ от «борьбы со злом», в ходе которой сторона добра так легко прибегает к чужому оружию и в конце концов становится неотличима от другой стороны. Это отказ от вполне законного сопротивления насилию, проявленному в отношении лично тебя, и примеры с отданной рубашкой, пройденными двумя поприщами и подставленной другой щекой тут совершенно не случайны. Исполнить это действительно очень трудно, и далеко не всегда вообще понятно, как исполнять, но здесь мы видим не столько практическую инструкцию на все случаи жизни, сколько идеал человеческих отношений в Царствии Небесном (ведь вся Нагорная проповедь и говорит о том, что такое это Царствие и как нем жить).

Да, в этом мире Царствие присутствует порой лишь как горчичное зерно, но Христос доказал не словами, а примером, что исполнении слов о непротивлении злему вполне возможно. Лучшее толкование на эту заповедь – Голгофа.

Обзывалки и геенна огненная

В 5-й главе Евангелия от Матфея (ст. 21-22) мы читаем странные, прямо-таки экстремистские слова Христа: «Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: “рака́”, подлежит синедрину; а кто скажет: “безумный”, подлежит геенне огненной».

Конечно, в Нагорной проповеди, да и в некоторых других местах Евангелия, достаточно экстремизма. Но чтобы вот так прямо резко? У многих детей это вообще в присловье вошло: «ты чё, дурак?» – и за это их всех прямо в ад? Попутно заметим, что дети по мелочи любят нарушать и другие заповеди, прежде всего «не укради» и «не лжесвидетельствуй», не говоря уж о почтении к родителям, и воспитание, собственно, и начинается с того, что им ставят границы.

Но если ко взрослому возрасту большинство людей приучается нести ответственность за воровство и ложь, то вот оскорбления... ну что такого: назвать дурака дураком? Ведь это же и есть самая настоящая правда?

Так оно наверняка было и в евангельские времена. Матфей, прекрасно знавший арамейский язык, даже не стал переводить это самое слово «рака», которое наверняка можно было услышать и на базаре, и в богословском споре. Оно и означает «дурак, тупица», всем отлично было оно знакомо.

А, может быть, Иисус был сторонником политкорректности: все имеют право на личную точку зрения, ни в коем случае не следует никого одергивать и т.д.? Да ничуть, в том же Евангелии мы найдем и куда более резкие выражения: «Змии, порождения ехиднины! как убежите вы от осуждения в геенну?» (23:33) В том случае Он обличал конкретное поведение конкретных людей (книжников и фарисеев), и наверное, им было бы не так обидно, если бы Он просто назвал их дураками. Но Он не стал этого делать.

Впрочем, в другом месте (23:17) даже и слово то же самое употребил, по-гречески *μωρός*: там Он оспаривал конкретное мнение, будто допустимо клясться иерусалимским Храмом, но только не золотом, которое было в нем. Значит, запрещено не столько употребление этого слова, сколько определенное отношение к другому человеку...

В скобках заметим, что слово это вовсе не обязательно употребляется в Новом Завете как ругательство. Например, Павел пишет: «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным (*μωρός*), чтобы быть мудрым» (1 Кор 3:18, есть и другие подобные места).

Глупец, безумец, а по-простому «дурак» – один из главных персонажей ветхозаветной книги Притчей. Это не просто человек с невысоким IQ, а тот, кто сознательно отказывается от Премудрости, от того взгляда на мир, который предлагает человеку Господь. Например: «Глумится глупец над отцовским внушением, но кто внимает упрекам – поумнеет» (15:5). Собственно, примерно это и происходило между Иисусом и Его противниками, и самое было бы время напомнить им эти слова Писания, повесить на них этот ярлык... опять-таки, Иисус так не поступил. Почему?

В Нагорной проповеди Он сам связал эти вроде бы невинные «обзывалки» с одной из десяти заповедей – «не убий». В той же самой главе (5:27-28) по такой же модели Иисус говорит о прелюбодеянии: заповедь запрещает, по сути, лишь ложиться с чужой женой, но всякий мужчина, который лишь посмотрел на нее с вожделением, уже совершил прелюбодеяние «в сердце своем». Мало ли, случая у него не было, или мужа он боялся, или просто стар был и некрасив – вот по одной из этих причин желанная близость не состоялась. Но самому себе такой человек уже дал разрешение на всё.

В этом мире мы совершенно несвободны, мы зависим от других людей, обстоятельств, собственных страхов и ограничены, в конце концов, телом, которое подвержено болезням, немощам, старости и смерти. Но рассудок человека намного более свободен. В своих мыслях, фантазиях, а в наши дни – в своих компьютерных играх и сетевом общении мы можем позволить себе очень многое из того, что едва ли получилось бы в реальном мире. Потому так и популярны порнография и всевозможные компьютерные «стрелялки».

В стрелялках игрок убивает абстрактных фашистов или инопланетных монстров, и все это прекрасно осознают. И даже на порносайтах посетитель видит не конкретных женщин, а притягательные формы и позы, по сути, возбуждается от пикселей на экране.

Но когда он говорит другому человеку (чаще всего в сети): «ты дурак, безумец, еретик, русофоб, антисемит, либерал, ретроград (список длинный), твое мнение не имеет никакого значения, ты для меня никто» – он говорит это не пикселям, а ближнему своему. Интернет и мобильная связь, кстати, сделали нашими ближними практически всё население планеты, но это особая тема.

Он говорит, по сути: «лучше бы ты не существовал, мне было бы так проще и приятнее». Когда эта мысль овладевает массами, когда ее носители берут власть – они строят концлагеря и устраивают массовые казни тех, кого им неприятно видеть на нашей планете. Понятно, что в наши времена такое происходит

нечасто, но любое массовое убийство всегда начинается со слов: «эти люди мне никто, они не должны существовать».

Дистанция между «ты чё, дурак?» и концлагерем огромна. Точно так же огромное расстояние отделяет стасщенный у соседа по парте ластик от распиленного бюджета великой страны, но то и другое – воровство. Путь в геенну огненную начинается с малых шагов, и предупреждать «не влезай – убьёт» надо на подходах к тому, что убьёт, а не на могилах уже убитых.

Да ведь всё, в принципе, очень просто. Критиковать конкретные поступки и ясно высказанные мнения другого человека – допустимо, порой даже в резкой форме. Переходить на личности и выносить суд об этом человеке, считать его ниже себя – ни в коем случае. В любом учебнике этикета это написано, но прежде того – в Евангелии.

Говорил ли Христос о суде?

Одни утверждают: нет в Евангелии никакого суда, там только любовь и прощение. Другие возражают: напротив, там много говорится о наказании грешников и о том, что каждый даст Богу отчет в своей земной жизни. Кто прав? И те, и другие... или ни те, ни другие. Суд в Евангелии вне всякого сомнения есть, но само Евангелие – не о суде.

Христос ясно говорит: язычникам будет отраднее в день суда, нежели тем, кто не принял Его в Израиле (Мф 11:22-24); за все свои слова люди дадут ответ на суде (Мф 12:36-37); осужденных ждет геенна (Мф 23:33). Грозно звучит предупреждение: «Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу» (Мф 5:25). О суде в первых трех Евангелиях говорится, но... не так уж и много, особенно если сравнить с другими темами Его проповеди. И нигде этот суд не называется в Евангелии или вообще в Библии «страшным».

Христос говорил о суде – но как именно говорил? Иногда Он в проповеди возвещал нечто новое, даже шокирующее – а иногда просто ссылаясь на хорошо известные представления людей. Так Он велел очистившимся прокаженным пойти в Храм для совершения положенных ритуалов (Лк 17:11-14), а подданным кесаря – отдавать ему положенную подать (Мф 22:15-22). При этом понятно, что проповедь Христа была не о ритуалах и не о налогах, а о чем-то совсем ином – но Он опирался на установленные правила как на что-то само собой разумеющееся и не подлежащее пересмотру. Правила правилами, а Благая Весть – о чем-то намного более важном.

Представления о том, что после смерти человек предстает перед высшими существами и дает им отчет о своей жизни, свойственны очень многим народам, в том числе и язычникам, в них нет ничего специфически христианского. У китайцев, например, принято сжигать ради умерших родственников специально изготовленные «адские деньги», чтобы таким образом передать им средства для подкупа этих самых судей. Да и в древнем мире представления о посмертном суде мы найдем не столько в Библии, сколько, например, в египетских «текстах пирамид», которые, собственно, и служили своеобразным пособием по прохождению посмертного суда.

И ничего подобного мы не найдем в Ветхом Завете. Он вообще не особенно задается вопросом о том, что будет с человеком после смерти, всё его внимание сосредоточено на жизни здесь и сейчас. Египтянин с рождения готовился умирать (потому фараоны и строили пирамиды), древний израильтянин призван был к жизни с Богом. К чему было знать подробности того, что произойдет когда-то потом? Они только отвлекут от главного. Бог не просто встретит человека за гробом, Он следит за ним здесь и сейчас, ждет ответа на Свой призыв ежедневно и ежечасно, а не когда-то в далеком будущем.

Конечно, ко временам Нового Завета представление о посмертном воздаянии было вполне ясно сформулировано и у евреев (хотя саддукеи, судя по всему, его не разделяли). Это мы видим по притче о богаче и Лазаре (Лк 16:19-31), но в ней нас может удивить... полное отсутствие всякой судебной процедуры. Один после смерти был отнесен в ад, другой – на лоно Авраама, но никаких разбирательств в притче не описано, всё происходит как бы само собой. Конечно, это всего лишь притча, а не подробная инструкция, но египтянам она показалась бы очень странной. Как же это в ней пропущено всё самое главное и интересное – судебный процесс?

Намного подробнее говорит Христос о судах земных. Он резко упрекает фарисеев, что они «оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру» (Мф 23:23). Но речь вовсе не идет о наказании грешников, скорее, о восстановлении справедливости по отношению к бедным и незнатным людям, которые просто никак не могли рассчитывать на внимание судьи и потому были бессильны перед угнетателями и обидчиками. Он даже рассказывает притчу о таком судье, которого бедная вдова заставила-таки своим упрямством исполнить свои прямые обязанности (Лк 18:1-5).

Зато Сам Христос ответил человеку, который хотел, чтобы Он разрешил его спор с братом о наследстве: «кто поставил Меня судить или делить вас?» (Лк 12:14) И уж совсем странно после всего этого смотрятся слова: «Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете» (Лк 6:37).

Можно было бы приводить и другие цитаты, но этого уже достаточно, чтобы запутаться. Так судить людям друг друга или не судить? На самом деле, никакого противоречия, всё просто и логично: если можешь восстановить поправленную справедливость в отношении другого человека, ты обязан сделать это. А если обидели тебя – лучше прости, потому что сам нуждаешься в прощении. Помирись с соперником, а не то попадешь к Судье не обвинителем, а обвиняемым...

До сих пор я ссылаясь только на первые три Евангелия, но куда подробнее о суде говорит четвертый евангелист, Иоанн. Например: «Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него. Верующий в Него не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия. Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили

тьму, нежели свет, потому что дела их были злы; ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы, а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны» (Ин 3:17-21).

Так что же это такое, вообще никакого страшного суда? Если понимать его так, как понимали древние египтяне: сразу после смерти начинается долгое и подробное разбирательство, а потом выносится справедливый вердикт, – да, совсем не так выходит по словам Иоанна. Да и у первых трех евангелистов ясно сказано, что такого суда вообще-то человеку лучше всего избежать, потому что не оправдается он на таком суде.

Впрочем, есть у Матфея и описание, очень похожее именно на такой суд (25:31-46): люди предстают перед Сыном Человеческим, пришедшим во славе, а Он делит их на две части, одну посылает на вечную муку, а других – на вечную жизнь. Но опять-таки, никаких придирчивых разбирательств, никакого взвешивания грехов и добродетелей, как у египтян и как мы видим это на многих средневековых изображениях. Даже никакого экзамена на чистоту веры. Критерий назван всего один: как ты обращался с ближним? Накормил голодного, одел раздетого, посетил заключенного – или прошел мимо? Если ты сделал всё это, то Сын Человеческий знает тебя и примет тебя, потому что всё это ты сделал с Ним. А если нет – ты чужой на этом празднике.

И тогда всё становится на свои места, Иоанн сходится с Матфеем. Суд происходит здесь и сейчас, в каждый момент нашей жизни – а результат его раскроется в вечности. Он идет не потому, что кто-то занял место прокурора, а кто-то место адвоката, и начались прения сторон, а потому, что в мир пришел свет, и в каждый момент нашей жизни мы выбираем, принять его или отказаться от него. Однажды этот выбор станет окончательным. Говорить о таких вещах неизбежно приходится через земные аналогии и подобию, и суд – одно из таких подобию. Пожалуй, самое близкое.

Человеку свойственно впечатляться образами, и картины страшного суда со временем займут западные стены христианских храмов. Все детальнее и живописнее будут на них изображаться мучения грешников разных категорий... А я вспоминаю мозаику на стене небольшой церкви на острове Торчелло около Венеции. Это XII век, пора крестовых походов и междоусобных войн, мрачное, на наш взгляд, время... А суд выглядит на мозаике не столько страшным испытанием, сколько окончательным торжеством добра. Воскресли усопшие, и море отдало своих мертвецов по зову ангельской трубы, все они встречают своего Господа и с радостным трепетом предстают перед Ним. В правом нижнем углу изображено и воинство сатаны с теми из людей, кто встал на его сторону и обрек себя на ту же участь, но совсем не это побежденное воинство занимало центральное место...

Суд, о котором говорил Христос – это победа Света над тьмой.

Хула на Духа

Всё Евангелие говорит о прощении. В этом, собственно, его отличие от множества других религий, включая ветхозаветную. Практически все они так или иначе говорят о грехах и об ответственности за них, и даже о возможности прощения. Но только Евангелие делает это прощение всеохватным: разбойник на кресте, который наверняка сотворил множество злодейств и причинил людям много горя, получает полное прощение, стоило ему только обратиться ко Христу! А притча о блудном сыне, которого отец мало того, что не наказывает, но и принимает как долгожданного, сам первый бежит ему навстречу?

И на этом фоне резким диссонансом звучит предупреждение: «Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человеку, а хула на Духа не простится человеку; если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем» (Матфей 12:31-32; сходно в Марк 3:28-29 и Лука 12:10; правда, Марк не упоминает Сына и говорит вообще о «хулениях»).

Мы воспринимаем этот текст через призму догмата о Троице. Получается, простительно хулить Сына и непростительно – Духа. А что сказать об Отце? И как вообще такое может быть, если Отец, Сын и Дух – это Единый Бог? Но в Евангелии Христос не говорит догматическими формулировками, Он обычно отвечает на возникшую ситуацию, на конкретную потребность того или иного человека.

Об этом высказывании довольно много говорили Отцы Церкви, и, что довольно необычно, они высказывались практически в один голос. Св. Василий Великий сформулировал свое толкование так: «Тот хулит Духа Святого, кто действия и плоды Святого Духа приписывает противнику» (т.е. диаволу). Св. Иоанн Златоуст со свойственным ему красноречием поясняет: «Как тот, кто считает солнце темным, не унижает этого светила, но представляет ясное доказательство своей слепоты, и как тот, кто называет мед горьким, – не уменьшает его сладости, но обнаруживает болезнь свою, так точно и осуждающие дела Божии... Кто богохульствует, тот наносит раны самому себе». А Св. Симеон Новый Богослов несколько даже расширяет это толкование: «Кто говорит, что в нынешние времена невозможно получить Духа Святого, и кто хулит действия Святого Духа, говоря, что такие действия от диавола, тот вводит новую ересь в Церковь Божию».

Но прежде, чем обсудить их толкования, вернемся к самому евангельскому тексту и посмотрим, в какой обстановке были сказаны эти слова. Лука помещает их внутри довольно длинной речи, которая посвящена, если говорить в самых общих чертах, участи человека перед Богом. А вот Матфей и Марк приводят их в связи с конкретной ситуацией, особенно подробно она описана у Матфея. Иисус исцеляет больных, изгоняет бесов из бесноватых – иными словами, совершает чудеса, которые невозможно игнорировать. Но Его противники и для этого находят свое объяснение: «Он изгоняет бесов не иначе, как силою веельзевула, князя бесовского» (Матфей 12:24). Раз бесы Его слушаются, то, по мнению этих людей, Он и есть среди них самый главный!

Иисус показывает всё нелепость их построений, и завершает Свой ответ именно этими словами о непростительности хулы на Духа. И в этом контексте можно понять их именно так, как понимали Отцы: ругань, направленная против личности Иисуса, еще может быть прощена, как и всякий человеческий грех. Но если люди приписывают диаволу то, что явным и очевидным образом являет спасительное для людей действие Бога в этом мире, что тогда может их спасти? Допустим, некий человек упал в воду с борта плывущего корабля и тонет. Если тех, кто стремится ему помочь и бросает спасательный круг, он поносит самыми грязными словами – он всё равно может воспользоваться брошенным кругом и спастись, хотя потом ему придется извиняться. А вот если он прячется от самого круга, уплывает подальше, принимая его за акулу – значит, он отказывается от спасения. Ему осталось только утонуть.

Так и выглядело это тогда: тем фарисеям было настолько важно доказать собственную правоту, что они, не колеблясь, объявляли белое – черным, Божье – бесовским. Речь не шла о какой-то тонкой богословской ошибке, неверном словесном построении, но о вещах вполне ясных и однозначных. Можно было сомневаться, верно ли говорит Иисус во время проповеди, но нельзя было не признать, что тот, кого приносили к Нему больным или приводили бесноватым, уходил от Него исцеленным, и что это было великим благом для человека. Чудеса подтверждали, что Он не просто говорит о Царствии Божьем, но устанавливает его здесь и сейчас – а те фарисеи предпочли принять всё это за действие диавола, лишь бы остаться правыми в своих глазах.

Обвинения в «хуле на Духа» нередко звучат в полемике между христианами и сегодня. Еще бы, такой убойный аргумент! На самом деле, обычно это обвинение расшифровывается примерно так: «Мне не нравится, как ты говоришь о Боге». Думаю, что в большинстве случаев это обвинение безосновательно. Но когда человек вдруг начинает называть «прелестью» или «беснованием», или «ересью» то, чего он пока не понимает, но в чем ясно можно различить действие Духа – боюсь, он подходит к очень опасной черте. Главная проблема даже не в том, что за какие-то особо дерзкие слова потом с него особенно строго спросится

(хотя и это несладко), а скорее в том, что он рискует отвергнуть протянутую к нему Божью руку, если ему отчего-то покажется, что протянута она не там, не тогда и не так, как сам человек посчитал нужным.

Зачем оправдывать Премудрость?

Эти слова Иисуса мы встречаем в Евангелии от Матфея (11:19); у Луки (7:35) эти слова повторяются, как и вообще практически весь этот отрывок, с очень небольшими отличиями, а у Марка ничего подобного нет. О чем говорит здесь Иисус, сразу не поймешь. Если взглянуть на контекст, то Он явно спорит со Своими слушателями: они обвиняли Иоанна Крестителя за излишний аскетизм, а Иисус им показался, напротив, слишком неразборчивым: пирует с грешниками. «И оправдана премудрость чадами ее...» Может быть, это такая ирония: дескать, хороша же та «премудрость», которую ее сторонникам постоянно приходится «оправдывать» с помощью всяких рассуждений? Или наоборот, здесь идет речь о Премудрости Божией, которую не понимают некоторые люди, но те, кто причастны ей, доказывают ее правоту?

Дело осложняется тем, что в некоторых древних рукописях Евангелия от Матфея вместо слова «чадами» стоит слово «делами», и тогда уже это выражение можно понять только в положительном смысле: премудрость Божья оправдывается делами людей. Иоанн и Иисус доказывают своими поступками, что Бог открывает через них свою мудрость людям, кто бы там что ни говорил. Иоанн Златоуст отмечал, что Иоанн и Иисус здесь действуют как охотники, которые с двух сторон загоняют зверя: один строго постится в пустыне, а другой, напротив, погружен в самую гущу повседневности, разделяя трапезу с самыми разными людьми. Человеку обычно хочется вывести некоторую «правильную формулу», как надо поступать во всех случаях жизни – но оказывается, что поступать можно очень по-разному, и все равно оказаться на стороне Премудрости. Суть не во внешних признаках.

Образ Премудрости Божией был прекрасно известен слушателям Иисуса. Вот как она сама говорит о себе еще в ветхозаветной книге Притчей: «Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони; от века я помазана, от начала, прежде бытия земли. Я родилась, когда еще не существовали бездны, когда еще не было источников, обильных водою. Я родилась прежде, нежели водружены были горы, прежде холмов, когда еще Он не сотворил ни земли, ни полей, ни начальных пылинок вселенной» (8:22-26). Не случайно в этих словах издревле многие толкователи видели прямое указание на Христа. Потому и главные храмы Константинополя, а следом за ним Киева и Новгорода были посвящены именно Премудрости, по-гречески – Софии.

Так что если принять эти слова Иисуса в положительном смысле, они указывают Его слушателям на дела, которые сотворили Иоанн Креститель и Сам Иисус. Вы хотите понять, – спрашивает Он их, – кто тут самый благочестивый, самый правильный из нас? Вы ищите формулу религиозного образа жизни, которая раз и навсегда подошла бы всем и каждому? Вы не тем занимаетесь – взгляните лучше на дела, которые сотворил Иоанн и которые творю Я, и познайте, что в этих делах раскрывается та самая Премудрость, о которой говорило Писание задолго до нас.

А можно ли понять эти слова иронически – особенно в версии Луки, где никаких «дел» точно нет, а есть только «чада»? Разумеется, можно. Это далеко не единственное место Писания, которое может быть понято в двух разных смыслах. В конце концов, всё зависит от расположения человека: готов ли он принять Премудрость Божью, или сам изобретает такую хитренькую «премудрость», которую он вынужден постоянно оправдывать, потому что сама она никого ни убедить, ни тем более оправдать не может.

«За» и «против»

Все мы бываем «за», и все мы бываем «против», и не только во время очередных выборов. Так уж устроена жизнь, что если мы соглашаемся с одним, то неизбежно должны возражать другому. И в Евангелии мы видим постоянное противостояние: всякий, кто принимает учение Христа, неизбежно оказывается в оппозиции ко многим другим учениям и даже людям: вовсе не потому, что он враждебен кому-то, а потому, что невозможно одновременно служить Богу и маммоне, соглашаться со Христом и Велиаром. Говоря «да» одному, приходится сказать «нет» другому.

Но редко бывает так, чтобы человек последовательно, старательно, от всего сердца занимал только одну сторону. Обычно он колеблется, шатается, пребывает в некоей «серой зоне»: то ли нашим, то ли вашим. Как относиться к таким? И как относиться к себе самому, если чувствуешь, что живешь в этой серой зоне?

В одном и том же Евангелии от Луки мы читаем слова Христа, обращенные к ученикам: «кто не против вас, тот за вас» (9:50), и всего через две главы – «Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает» (11:23). У Марка мы найдем точную параллель к первому изречению (9:39-40), а у Матфея – ко второму (12:30). Стало быть, оба изречения были известны еще до того, как Лука написал свою книгу, но именно он как мастер художественного слова сопоставил два этих высказывания, которые на первый взгляд кажутся противоположными.

Конечно, нетрудно два этих высказывания объединить: на самом деле можно быть либо за Христа, либо против. В каждый момент нашей жизни мы делаем выбор, и если нам кажется, что мы или кто-то другой находится в «серой зоне», это просто недостаток нашего зрения: черное и белое сливаются для нас в серое пятно только потому, что мы близоруки, не различаем мелких деталей.

Но какое из двух изречений взять за основу? Если первое – тогда всех, в ком не уверен, надо записать в союзники. Или второе? Тогда, наоборот, они окажутся врагами.

Здесь стоит посмотреть на контексты. Первое изречение прозвучало в ответ на недоуменный вопрос учеников: как им поступить с человеком, который именем Христа изгоняет бесов, но сам не ходит с ними? Христос велел отнести к нему как к своему, и в версии Марка Он даже поясняет, почему: «ибо никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня». Обратим внимание: этот человек не был учеником Иисуса, возможно, никогда даже Его не видел. Он просто сообразил, что бесы повинуются Иисусу и решил этим воспользоваться. Только и всего. И все равно Господь не отказался от него.

А вот второе изречение было сказано по другому поводу, хотя речь и там шла об изгнании бесов. Те, кто совершенно точно были «против», обвинили Иисуса в том, что Он изгоняет бесов как их князь – а в ответ Иисус заговорил о духовной борьбе. Он сказал, что невозможно похитить имущество сильного, не одержав над ним победы (то есть, бесы не оставят человека по доброй воле, их приходится побеждать), и еще рассказал притчу о человеке, из которого изгнали одного беса – а потом в него вселились целых семь. Эта притча подчеркивает, что духовная борьба есть дело всей жизни, и что сегодняшняя победа не избавляет человека от возможности завтрашнего поражения, которое эту победу перечеркнет. И перед самым началом этой притчи прозвучали слова: «Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает».

Вот уж точно: двойные стандарты! По отношению к себе самому человек должен проявить предельную строгость: собираю ли я сейчас, со Христом ли я? И если ответ выходит не положительный, значит, я в большой опасности. Какие бы духовные победы не одерживал я в прошлом, здесь и сейчас я могу всё потерять, могу оказаться в одном лагере с врагами Бога.

Но по отношению к другим людям нам предлагается, напротив, крайняя терпимость. Вот человек, который явно не принадлежит к числу христиан, который, строго говоря, решил «воспользоваться ситуацией». Ну и что? Не торопитесь его осуждать, говорит Христос, сам он не считает себя нашим врагом – и мы не вправе отталкивать его. Пусть сейчас он не вполне наш друг – но он однажды может им стать. Ведь глубины его сердца нам не открыты, мы не можем знать, что там происходит.

Не бойтесь ошибиться, записав человека в союзники, говорит Христос, бойтесь противоположной ошибки. Ищите вокруг друзей, а не врагов, учит Он нас. Враги сами найдутся. Как поступать с врагами, Он показал нам на Собственном примере, когда молился на кресте за распинавших Его: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лк 23:34). Впрочем, это уже совсем другие слова, их совсем нетрудно понять, хотя очень трудно повторить их от чистого сердца.

Неверный управитель

Одни притчи в Евангелии бывают понятны любому читателю сразу, другие требуют долгих размышлений. Но больше всего вопросов, пожалуй, вызывает притча о неверном управителе (от Луки 16:1-9). Слуга, поставленный над хозяйством своего господина, проворовался и знал, что скоро лишится доходной должности. Как жить дальше, если он не умеет работать физически, а нищенствовать не хочет? И вот, призвав должников своего господина, он стал списывать им часть долга. Фактически, он обманул своего хозяина, и не столько в пользу бедных, сколько в свою собственную. Когда его выгонят с работы, эти люди наверняка помогут ему, припомнив, как со ста мер масла он снизил их долг до пятидесяти. Что же это, Христос побуждает нас обманывать своих начальников, работодателей, владельцев вверенного нам имущества?

Но ведь притча – вовсе не рассказ о неких образцовых людях, которые ведут себя безупречно. Точно так же можно упрекнуть чуть ли не каждого персонажа каждой притчи: зачем сеятель так небрежно бросал семена, что одни упали на камень, а другие на дорогу? Почему хозяин виноградника так безрассудно отправил к злым работникам своего сына после того, как они избili его слуг и даже убили некоторых из них?

Нет, притча – это просто история из жизни, которая на живом, конкретном примере показывает нечто важное и нужное. В данном случае она приводит нам пример торгаша, который все же осознал, что людская благодарность важнее любых сокровищ. Сегодня это называется «социальной ответственностью».

Впрочем, не будем торопиться с ответом. Христос Сам дает комментарий к этой притче, и даже не один. Во-первых, Он говорит апостолам: «сыны века сего догадливей сынов света в своем роде». Это выражение, «сыны света», встречается в Евангелии только здесь, зато оно было характерно для Кумрана, своего рода радикальной монашеской общины того времени. Сыны света – это безупречные воины добра... и вдруг Христос показывает им, что даже нечестный управитель может дать им ценный урок, у него тоже есть чему поучиться! Может быть, «сыны света» слишком увлечены своей светозарностью, чтобы обратить внимание на непросвещенного ближнего?

И далее Христос дает практический вывод: «приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители». Мы видим в этой притче человека, внезапно оказавшегося на грани краха: он вот-вот лишится всего, что так заботливо копил... да есть ли в этом мире нечто вечное, на что не жалко тратить силы и деньги, что останется с тобой в вечности? Есть: людская благодарность. Пусть твоё богатство (и не только материальное) оказалось неправедным, это еще не так страшно – ты всегда можешь потратить его на праведные цели. Притча подсказывает нам выход из кризиса, через который в жизни проходят многие, и не единожды.

А что же Господин? Неужели он не възыщет с управителя? Ведь Христос говорит сразу после этого: «верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом» – и далее подробно рассуждает о верности Богу и Его доверии человеку. Именно в этом рассуждении прозвучат слова о невозможности служить двум господам, Богу и кошельку. Похоже, поведение управителя Господин все же не одобряет, зато предлагает нам чему-то научиться на его примере.

Иногда толкователи высказывали предположение, что на самом деле управитель отказался лишь от «отката», от своей собственной доли, которую самовольно начислял к долгу. Если бы так, получилось бы, что он ни в чем не обманул своего Господина, а, наоборот, отказался от неправедной mzды. Иные толкователи говорят, что управитель на самом деле просто угадал волю своего Господина, который и без того намеревался списать долги. Но Христос не дает нам ни единого намека на то или это понимание, так что принять их довольно трудно.

С другой стороны, управитель явил людям неожиданную щедрость своего Господина, и теперь Господин уже не сможет възыскивать с них долга в прежнем размере. Люди уже прославили Господина, они наверняка отблагодарят и управителя, если это потребуется.

Все мы так или иначе в долгу перед Господом, и долг наш неоплатен. И кто думает, что находится к Нему ближе, может помочь остальным уменьшить свой долг, облегчить их груз. В конце концов, мы все молча стоим перед Ним, глядя на наши мятые расписки, и существует только один удачный для нас выход из этой ситуации – полная амнистия.

А митрополит Антоний Сурожский говорил об этой притче так: «подобны домоправителю все мы. Всем нам, каждому из нас без исключения, поручено заботиться об имуществе Божиим, а не нашем, потому что нашего имущества нет и не может быть; всё – Божие или Богом дано каким-то другим людям. Но мы заботимся о нем или небрежно, или прямо-таки нечестно, стараемся свою выгоду получить из того, что принадлежит не нам... В этом центр тяжести всей притчи: не в том, что он был честен или нечестен, а в том, что никакое добро нам не принадлежит: мы все домоправители, все плохо правим Божиим добром, но несмотря на это, если мы через наше управление, каково бы оно ни было, родим в других людях благодарность и любовь, то этим можем себя спасти».

Гробницы пророкам

В Евангелии от Матфея (23:29-32) есть очень странное обличение: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников, и говорите: если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в пролитии крови пророков; таким образом вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избili пророков; дополняйте же меру отцов ваших». Что же плохого в том, чтобы строить гробницы почитаемым пророкам? И каким именно образом эти люди могут нести ответственности за поступки их предков, с которыми они к тому же не согласны? И не выходит ли, что это обличение звучит актуально и сегодня для нас, если мы почитаем, например, новомучеников?

Эти слова приводятся также в Евангелии от Луки (11:47-48), но в более кратком виде, так что и параллельное место особенно не проясняет такого неожиданного обличения. Но зато нам поможет, как и во многих других случаях, контекст. В связи с чем говорит эти слова Иисус? И у Матфея, и у Луки они идут среди прочих обличений книжников и фарисеев. Но в чем именно Христос так сурово упрекает их? У Матфея сначала речь идет о том, как тщательно эти люди заботятся о соблюдении внешних правил: дают десятину с тмина и аниса (попробуйте отделить ровно десятую часть от всех приправ, которые стоят у вас на кухне, и пожертвовать ее в храм – наверное, полдня уйдет на такое занятие!) Они заботятся почти исключительно о внешнем виде, тратят на него практически все свои силы, всё свое время – им уже не до подлинной праведности. Им важно выглядеть, а не быть.

А далее Матфей приводит эти слова о гробницах для пророков и делает вывод: эти люди понесут ответственность за всех убитых праведников, начиная с Авеля, которого на самой заре человечества убил его брат Каин. «Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!» – горестно восклицает Иисус (23:37).

У Луки контекст на первый взгляд несколько иной, в его тексте обличения выглядят мягче, чем у Матфея. Но общий смысл их примерно тот же: фарисеи заботятся о внешнем, при этом налагают на других людей тяжелое бремя, которое сами нести не хотят. Это тоже звучит немного странно: уж кто-кто, а фарисеи особенно строго соблюдали все эти введенные ими правила. Лука повторяет предупреждение об ответственности за убийства праведников, добавив к ним: «премудрость Божия сказала: пошлю к ним пророков и Апостолов, и из них одних убьют, а других изгонят» (11:49).

Из года в год, из века в век повторяется одна и та же история. Люди живут, как они хотят, и не замечают, что их жизнь негодна Богу. Напротив, они исполняют всякие обряды и соблюдают правила – вспомним, что тот же Каин убил своего брата сразу после того, как совершил жертвоприношение. Оно, правда, оказалось негодным Богу. Что делать в таких случаях? Человек всегда найдет выход: например, отдаст десятину еще и с ароматических трав. Устрожит правила поведения, увеличит жертвы. И так почему-то получается, что такой ревнитель утруждает своей ревностью скорее других, чем самого себя.

Бог посылает к людям пророков, чтобы напомнить: Он ждет от них совсем другого. Ему важны не десятины и не жертвоприношения сами по себе, а деятельная любовь к Богу и к ближнему, которая в этих десятинах и жертвах выражается, но выражается она далеко не только в них и совсем не автоматически. Пророки напоминают: надо изменить свою жизнь! Их не слушают, они напоминают еще и еще раз, всё настойчивее. Чтобы не мешали, их убивают. В конце концов, и Каин убил Авеля, потому что тот оказался удобнее Богу, чем сам Каин. Когда устранен источник раздражения, жить вроде как легче стало. А совесть? Ну, принесем еще одну жертву, дадим еще одну десятину, глядишь, как-то и успокоится.

А потом выясняется, что прав был все-таки убитый пророк, что праведником был именно он, а не те, кого он обличал. Новое поколение признает этот факт, но... продолжает жить по-прежнему. А пророку строит пышную гробницу. Как некогда отцы или деды убили этого пророка, чтобы окончить его проповедь, чтобы поставить точку в этом деле – так и строители гробницы этим актом внешнего почтения хотят отделаться от сказанного пророком. Дескать, жить по-новому мы не начнем, но вот золотом и мрамором гробницу украсим, это пожалуйста, совершим все положенные обряды. Все те же жертвы и десятины, и по сути такие почитатели мало чем отличаются от былых гонителей. Они высказывают почтение к мертвому телу, но пренебрегают словом пророка – вот и выходит, что для них, как и для гонителей, куда лучше, чтобы пророк оставался мертвым. Тяжелый мрамор гробницы как будто для того и нужен, чтобы он случайно не восстал, не продолжил свою проповедь.

Православные почитают мощи святых и другие реликвии, украшают их драгоценностями, лобызуют их и держат в храмах на самом почетном месте. Это может быть зримым выражением тех почестей, которые верующие воздают тем, кто служит для них образцом веры, надежды и любви, а через них – и Самому Богу. Это может быть свидетельством молитвенного общения между земной и небесной частями Церкви, их единства в слове и в деле. Но может такое поведение выражать и языческое стремление обезопасить свою

жизнь с помощью священных предметов, устроить ее поуютнее, добиться через них процветания и успеха. Дескать, вот тебе мои усталые ноги и мои потрепанные рубли – а ты дай мне того, сего, пятого-десятого. И не дай Бог, кто-то влезет тут со своими советами, кто-то окажется большим праведником, чем я сам! убью! Наверное, так рассуждал и Каин.

Словом, имеют ли эти евангельские слова отношение к нам самим, каждый может решить для себя.

Мертвые погребают мертвецов

Когда Христос призывал учеников, Он нередко выхватывал их прямо из повседневности: вот сидят рыбаки, чинят сети после ночного лова, Он зовет их за собой – и они идут, бросив всю свою прежнюю жизнь вместе с этими самыми сетями (Мф 4:18-22). Но один подобный случай просто поражает: «Другой же из учеников Его сказал Ему: Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего. Но Иисус сказал ему: иди за Мною, и предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (Мф 8:21-22, ср. Лк 9:59-60, где ученик отвечает так на прямой призыв последовать за Христом). Так и видишь эту картину: только что умер отец, сегодня-завтра его похоронят, и ученик хочет отдать ему последний долг сыновней любви в окружении скорбящих родных... но Христос отказывает ему в этом, да еще и называет мертвецами всю его родню! Как-то совсем не по-доброму звучит.

Это место всегда вызывало много споров и порождало много толкований. Обычно проповедники и богословы стремились как бы оправдать Христа: мол, так Он в резкой форме объяснял, что даже естественная забота о родителях не должна быть препятствием в следовании за Христом. Ну, а что касается мертвецов, они обычно понимаются как духовно мертвые люди, от которых все равно ждать нечего, так пусть, по крайней мере, озаботятся похоронами. Но боюсь, что такое толкование может только подогреть ревность неофита, который почитает себя уже духовно совершенным, а всех своих близких – мертвецами, и относится к ним соответственно. Не так вел Себя Христос, он с заботой и любовью принимал всех, не исключая самых «бездуховных» мытарей и блудниц.

Во-первых, совершенно не обязательно, что отец ученика к тому моменту уже умер. Возможно, выражение «прежде похоронить отца» означало «прожить с ним, сколько ему еще осталось, и так исполнить свой сыновний долг». Мол, сейчас у меня еще есть обязательства перед родными (возможно, отец был стар и тяжело болен), но вот когда я их исполню, то приду к Учителю. Конечно же, у него не было никакой возможности так поступить: земное служение Христа длилось очень недолго, и ученик должен был решать сразу: последовать за Ним здесь и сейчас или остаться с семьей. О том, что любовь ко Господу стоит выше любви между родителями и детьми, Христос предупреждал и в других местах (например, Мф 10:37).

Но дело даже не только в этом. Насколько вообще буквально следует понимать эти слова Христа? Очевидно, что мертвецы сами друг друга хоронить не могут, так что это уже заставляет нас задуматься о переносном значении этого оборота речи. Посмотрим и на те слова, которые идут перед этой фразой: «Тогда один книжник, подойдя, сказал Ему: Учитель! я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошел. И говорит ему Иисус: лисицы имеют норы и птицы небесные – гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф 8:19-20). Неужели Ему в буквальном смысле слова негде было ночевать? Но мы видим из Евангелия, как часто Его принимали самые разные люди у себя дома, и принимали как почетного гостя! Очевидно, «негде преклонить главу» – преувеличение, образный оборот речи. Книжники были уважаемыми людьми со стабильным доходом и положением в обществе, и в сравнении с этим жизнь бродячего проповедника, конечно же, была полна опасностей и лишений – Христос об этом и предупреждает книжника.

Более того, у Луки после слов о похоронах отца приводится еще один диалог: «Еще другой сказал: я пойду за Тобою, Господи! но прежде позволь мне проститься с домашними моими. Но Иисус сказал ему: никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (9:61-62). Итак, перед нами не история какого-то одного ученика и его семьи, а скорее три примера, три призвания – и три препятствия, по одному для каждого из них. Книжнику негде будет преклонить главу, одному ученику не удастся похоронить отца, другому – даже некогда будет проститься с семьей.

Обратим внимание на прибавление, которое находим у Луки: «предоставь мертвым погребать своих мертвецов, а ты иди, благовестуй Царствие Божие». Смысл здесь совсем не в том, чтобы отказаться хоронить отца (неважно, назначены ли эти похороны на завтра или ему еще предстоит дожить остаток жизни). Единственное, что следует делать – возвещать Царствие здесь и сейчас, вне зависимости от событий семейной жизни. Как часто и в наши дни люди обращаются к Богу только тогда, когда им нужно похоронить родных, и только для того, чтобы похоронить – то есть нужен им не Бог, а всего лишь достойные похороны!

Христос, как мы знаем, вовсе не относился с пренебрежением к родным – с креста Он поручил свою Мать заботам апостола Иоанна (Ин 19:27). Не был Он равнодушен и к смерти Своего друга Лазаря – не только пришел к его могиле, но даже воскресил умершего, о чем Его и не просили (Ин 11). Но если бы главным делом для Него была забота о родных и близких, не стоило восходить на крест... Он бы, безусловно, никогда не сказал Отцу: знаешь, я исполню Твою волю как-нибудь потом, а сейчас мне надо позаботиться о Матери, похоронить друга, да и вообще много неотложных дел накопилось. Он исполнял волю Отца безоговорочно и незамедлительно – а уж всё остальное делал, как получалось, и при этом остальное действительно получалось хорошо. Об этом Он, видимо, говорил и ученику.

А кто же такие эти мертвецы, которые погребают мертвецов? Трудно сказать наверняка. Возможно, это что-то вроде верблюда, пытающегося пролезть в игольное ушко (Мф 19:24) – яркий, парадоксальный

образ, который наверняка запомнится слушателям, хотя, конечно, в реальной жизни такого не увидишь. Может быть, это вообще что-то вроде поговорки тех времен, наподобие «смерть своё возьмет». Да, она своё возьмет, говорит он ученику, но перед тобой открывается Жизнь, иди по ее дороге, возвещай о ней другим людям. Живи не семейной историей, а Вечностью, живи ей здесь и сейчас – вот что, по-видимому, Он хотел сказать этими словами тому ученику и всем нам.

«Отойди от Меня, сатана!»

Отношения Христа с апостолами не всегда были простыми. Апостолы не были какими-то особенными людьми, их никто не готовил к будущему служению – Христос просто позвал их за Собой, и они пошли, а учиться всему приходилось уже по ходу дела. Они далеко не всё понимали сразу, они зачастую беспокоились совсем не о том, о чем следовало бы им волноваться, и Христос не раз упрекал их по разным поводам.

Однажды Он произнес особо строгий выговор, обращенный к апостолу Петру: «отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» (Мф 16:23; ср. Мк 8:33 и Лк 4:8). Но ведь перед этим Христос сказал тому же самому апостолу: «ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах». (Мф 16:18-19). Как же это: почти одновременно обещает дать ему ключи Царства Небесного – и прогоняет от себя, назвав сатаной? Точно такие слова, «отойди от меня, сатана», Он некогда обратил к диаволу во время искушений в пустыне (Мф 4:10). А теперь повторяет то же самое апостолу!

Но сначала разберемся, что значит само это название, «сатана». По происхождению это вовсе не имя собственное, еврейское слово שָׂטָן (*сатан*) означает «противник, враг». Именно так называется некий загадочный персонаж в самом начале книги Иова. Он приходит к Господу вместе с другими «сынами Божьими», беседует с Господом, предлагает ему испытать верность Иова, наслав на него бедствия, и Бог соглашается... Мы привычно считаем, что здесь речь идет о диаволе, главе злых духов, отпавших от Бога. Но как же он тогда является к Богу, вступает с Ним в переговоры – и Бог соглашается на его предложения? Разве Бог общается с силами зла? Но если читать книгу Иова в оригинале, никакого главы злых духов мы там не обнаружим. Там будет *сатан*, то есть «враг, противник» – возможно даже, некий ангел, который исполнял роль, отведенную в католической процедуре канонизации т.н. «адвокату диавола». Такой адвокат, конечно, не диавола оправдывает, а высказывает всё, что можно только сказать против канонизации. Примерно такую же роль играет на защите диссертации официальный оппонент.

В 4-й главе Матфея, где идет речь об искушениях в пустыне, явно имеется в виду сам диавол. Христос не вступает с ним ни в какие переговоры, а отвергает все его предложения. Но называя его «сатаной», Он не обязательно использует это слово, заимствованное из еврейского языка в греческий, как имя собственное: это может быть обозначение той роли, которую играл диавол во время пребывания Христа в пустыне. Он был Его врагом, стремился сбить с пути.

Но ведь ту же самую роль сыграл теперь, может быть, сам не желая того, и апостол Петр! Он недавно признал Иисуса Христом, Сыном Бога Живаго – и тогда Христос сказал слова о церкви и ключах Царствия. Петр, поняв, как много ему дано, несомненно, желал сохранить всё это. И уж конечно он любил своего Учителя, желал для Него всего самого доброго и радостного. И тут Христос говорит о Своих будущих страданиях и даже смерти... Как мог согласиться с этим Петр? Как мог пожелать для Учителя такого конца? Тем более, при таком раскладе – какая же церковь, какие ключи? Всё погибнет...

И он, что вполне естественно, стал отговаривать Христа от путешествия в Иерусалим. Зачем отправляться на верную гибель, когда всё может быть совсем иначе? Но ведь то же самое, по сути, предлагал Христу и сатана в пустыне: мгновенное, убедительное завоевание людских сердец с помощью чуда или политической мощи, безграничную власть в этом мире, и всё это без тени страданий и сомнений. Трудно было отказать от такого заманчивого предложения, и, может быть, еще труднее было отвергнуть заботу дорогого ученика. Но и в том, и в другом случае Христу предлагалось отказаться от Своей миссии, поступить по вполне понятным, но чисто человеческим желаниям. По сути дела, капитулировать перед князем мира сего, принять его условия игры. Он ответил самым резким отказом.

Но есть и некоторое отличие между словами, сказанным искусителю в пустыне и сказанными апостолу. Обращаясь к Петру, Христос добавил два слова: «отойди *позади Меня*» (в Синодальном переводе не совсем точно сказано «от Меня»; более того, те же слова добавлены там и в 4-й главе, хотя самые авторитетные рукописи их в этом месте не содержат). Петр, в отличие от искусителя, не должен был совсем оставить своего Учителя – он должен был последовать за Ним, ступать позади. Не указывать Ему, как поступать, куда ходить и что делать, а, напротив, следовать Его примеру. С тех пор, по сути, эта ситуация повторялась не раз: верующие пытались указать Богу, как следует Ему поступить, они руководствовались в своем поведении не Его волей, но собственными замыслами и чувствами, пусть даже вполне понятными и объяснимыми... и каждый раз в такой ситуации им следовало отнести к самим себе обжигающие слова Христа: «отойди, враг! ступай следом за Мной, а не указывай Мне путь!»

Христос не лишил апостола тех обещаний, которые прежде дал ему, но указал на его место – то единственное место, на котором Петр и мог получить обещанное.

«Возьми крест свой»

Редко бывает так, чтобы сразу три евангелиста привели какое-то изречение Христа почти одинаково. Но именно так обстоит дело со словами Христа «если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Матфей 16:24; Марк 8:34; Лука 9:23). Лука, правда, добавляет слово «ежедневно». А двое евангелистов еще и повторяют ту же мысль в категоричной форме: «кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Матфей 10:38); «кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником» (Лука 14:27). Пожалуй, трудно найти какое-то другое требование, которое Христос предъявлял бы ученикам в такой бескомпромиссной форме.

Сегодня мы, конечно, помним эти слова, пересказываем притчу о том, как человек просил у Бога креста полегче, и убедился, что его крестик и есть самый легкий. Мы привычно говорим «это мой крест» о болезнях и проблемах. Для нас «нести свой крест» значит, в общем-то, терпеливо и безропотно принимать все жизненные трудности. Такой «крестоносец», в общем-то, совершенно пассивен, он просто принимает случившееся как должное. А на шее у нас висит маленький такой и очень легкий крестик.

В евангельские времена эти слова звучали совершенно иначе. Нательных крестиков никто не носил, а вот крест как орудие казни был всем прекрасно известен. Это была самая мучительная и самая позорная казнь, какую только изобрели в Средиземноморье: человека раздевали и привязывали или прибывали его руки к горизонтальному брусу, приделанному к врытому в землю вертикальному столбу. Под ногами у него была небольшая приступочка, впрочем, ноги тоже обычно прибывали к столбу гвоздями. И дальше его оставляли постепенно умирать под открытым небом, на виду у всех прохожих, беспомощного и обнаженного. Кто хотел, мог издеваться над ним, кто хотел – мог облегчить (но вместе с тем и продлить!) его страдания, поднеся к его лицу влажную губку, чтобы он смог выщедить из нее немного воды.

Смерть обычно наступала через пару дней от удушья в сочетании с обезвоживанием и прочими факторами. Дело в том, что в таком зафиксированном положении грудная мускулатура человека не может совершать обычных дыхательных движений. Чтобы сделать вдох, ему надо немного приподняться на ногах. Пока человек в силах, он приподнимается так при каждом вздохе, но это дается ему всё труднее. В результате он погибает от медленного удушья, если только раньше с ним не произойдет инфаркт (как, по-видимому, случилось с Иисусом) или ему не перебьют голени, лишив его возможности приподниматься (так римские солдаты ускорили смерть распятых с Иисусом разбойников).

Если присовокупить к мучительному удушью боль он ран, невозможность размять затекшие мышцы или хотя бы согнать мух и слепней, не говоря уже о позоре – это действительно кошмарная пытка, а не просто казнь. Римляне прибегали к ней для мятежных рабов и самых отвратительных преступников. Ветхий Завет (Второзаконие 21:23) утверждал, что всякий, казненный через повешение на дереве, проклят – так могли поступить лишь с самым последним злодеем, в назидание другим. Да и то, Ветхий Завет требовал снять тело до окончания дня – значит, там имелась в виду быстрая казнь через повешение.

Что же значило в те времена «нести свой крест»? Столбы обычно оставались на своих местах, а вот поперечные брусы (весом в несколько десятков килограммов) осужденные обычно должны были нести к месту казни сами как знак своего унижения и подчинения. Евангелия описывают, что Иисус, обессиленный после бичевания, не смог этого сделать, и римские воины заставили потрудиться случайного прохожего (Матфей 27:32 и др.).

Слова Иисуса означали для тех, кто их слышал тогда, примерно вот что: признай себя преступником, достойным самой мучительной казни, вынеси себе такой приговор и ступай за Мной, зная, что именно такую цену тебе и придется за это заплатить. Так оно, в конечном итоге, и случилось с апостолами: они умерли мученической смертью, и многие были именно что распяты.

Это не пассивное «терпение скорбей», это призыв к самому активному и деятельному самоотречению. Человек призван заранее согласиться на самое страшное, позорное и мучительное, что только может себе представить – и если он не готов, значит, ему еще рано следовать за Иисусом.

Но есть у этого призыва и еще одна сторона, которая не была понятна ученикам в момент произнесения этих слов и раскрылась перед ними позднее. Всякий царь или полководец может призвать своих верных слуг или воинов умереть за него, но здесь совсем не тот случай: первым на кресте оказался Сам Иисус. Он не просто посылает учеников на смерть, Он Сам идет на смерть ради победы над смертью, ничего не требуя ни от кого и не пытаясь Себя защитить. При этом он заранее предупреждает, куда ведет такая дорога. Он Сам идет впереди, он принимает удар на Себя (позднее Павел в своих посланиях подробно будет рассуждать о Его искупительной жертве), но кто хочет действительно встретиться с Ним, не может пройти мимо Голгофы.

Тайная Вечеря и иудейская Пасха

О Страстной Седмице все четыре Евангелия говорят подробно, и у нас нет ни малейших сомнений, в какой именно день недели произошли ее главные события. Тайная Вечеря состоялась вечером в четверг, распятие – в пятницу, Воскресение – в ночь на воскресенье, как нетрудно догадаться и по названию самого дня. Но евангельские описания Страстной Седмицы порождает один очень непростой вопрос: на какой именно день приходилась иудейская Пасха? Ведь именно с этим ветхозаветным праздником текст всех Евангелий недвусмысленно связывает распятие Христа и Тайную Вечерю! Вопрос кажется таким простым... но на него и по сю пору нет единого ответа.

Расхождения между Евангелистами

Синоптические Евангелия (Матфей, Марк и Лука) однозначно утверждают, что Тайная Вечеря и была пасхальной трапезой: «В первый день опресноков, когда заколали пасхального агнца, говорят Ему ученики Его: где хочешь есть пасху? Мы пойдем и приготовим» (Марк 14:12, сходно в Матфей 26:17 и Лука 22:7-8). И в описаниях синоптиков мы действительно видим немало совпадений с пасхальным седедом, т.е. с традиционным обрядом празднования Пасхи, который иудеи соблюдают и сегодня в память об исходе Израиля из египетского рабства. Мы знаем его детали по источникам более позднего времени, прежде всего по Пасхальной Агаде, но можно не сомневаться, что в общем и целом они были примерно такими же и в те времена.

Правда, нигде не упоминается непосредственно пасхальный барашек (агнец), но, как видно по приведенной выше цитате, можно предположить, что он там был. Остальные детали названы явно, и стоит обратить на них внимание.

Иисус с учениками возлежит (Лука 22:14) – именно так, расположившись за столом с максимальным комфортом, и приступают к трапезе свободные люди. Центральное место на трапезе занимают хлеб и вино, так и на пасхальном седеде особую роль играют опресноки (маца) и вино. Более того, трапеза начинается с благословения вина (Лука 22:17, это еще не та заключительная чаша, которая содержит «Кровь Нового Завета», а другая) – так и пасхальная трапеза начинается с благословения, произнесенного над вином. Даже такой незначительный эпизод, как кусок хлеба, который Христос «обмакнув, подал» Иуде (Иоанн 13:26), находит свое соответствие в пасхальном седеде: это чаша с горькими приправами, в которую действительно обмакивают хлеб. Наконец, Вечеря завершается «воспеванием» (Матфей 26:3) – так и пасхальная трапеза завершалась пением благодарственных молитв. Даже сам тот факт, что Христос с учениками остался в Иерусалиме, а не отправился ночевать в Вифанию (как в Марк 11:11-12), подсказывает нам, что это был особенный вечер, который им обязательно надо было провести в священном городе – а пасхальная трапеза и проводилась в Иерусалиме, причем жители города приглашали к себе паломников.

Похоже описание Тайной Вечери на пасхальный седед? Безусловно, очень похоже. И в то же время можно возразить, что в ее описании все же нет ни одной детали, которая указывала бы на этот седед совершенно однозначно (такой деталью могло бы быть прямое упоминание пасхального агнца, заколотого в Храме). Всё это: возлежание за столом, чаша вина, обмакивание хлеба в соус, начальное благословение и заключительное благодарение – в принципе, могло присутствовать и на другой торжественной трапезе. Да и остаться в Иерусалиме Христос с апостолами могли по другим причинам.

Самые серьезные аргументы – это отнесение этого события к «первому дню опресноков» (на Пасху запрещено есть квасной хлеб, а только опресноки, в память о спешном исходе из Египта) и желание Христа «есть Пасху» на этой Вечери. Если бы у нас были только три первых Евангелия, мы бы не сомневались, что Пасха в тот год пришлась на пятницу, соответственно, ее встречали вечером нашего четверга (для иудеев день начинался с заката, а не с восхода солнца).

Но Евангелист Иоанн расходится с синоптиками: он ясно говорит, что распятие состоялось в канун Пасхи. Он сначала пишет, что иудейские духовные вожди избегают осквернения, потому что собираются этим вечером участвовать в пасхальной трапезе (18:28), а затем мы встречаем и прямое указание, что Пасха приходилась на субботу (19:14). По Иоанну, Тайная Вечеря не имеет прямого отношения к пасхальному седеду. В этом Евангелии мы даже не находим слов «сия есть Кровь Моя» и «сие есть Тело Мое», да и вообще в нем приведены в основном прощальные речи Иисуса, а не детали самой Вечери. Иоанн вообще не говорит ничего такого, что заставило бы нас отождествить Тайную Вечерю с пасхальным седедом.

Это, конечно, совсем не значит, что Иоанн описывает какое-то другое событие или, тем более, отрицает то, что описали синоптики. Его Евангелие было написано намного позже синоптических, оно обычно не повторяет того, что уже было достаточно подробно рассказано в них. И все же налицо явное противоречие. Можно ли его избежать? А если нельзя, тот как его объяснить?

Что говорит календарь?

Ветхий Завет указывает нам точную дату: «в первый месяц, в четырнадцатый день месяца вечером Пасха Господня, и в пятнадцатый день того же месяца праздник опресноков Господу; семь дней ешьте опресноки; в первый день да будет у вас священное собрание; никакой работы не работайте; и в течение семи дней приносите жертвы Господу; в седьмой день также священное собрание; никакой работы не работайте» (Левит 23:5-8). Речь идет о месяце нисане, который тогда шел первым в году. Отметим также, что пасхальная трапеза открывает недельное празднование Опресноков, в начале и конце которого строго запрещена работа (разрешена ли она между ними, текст книги Левит ясно не указывает, но нам сейчас это и не важно). Однако подготовка к празднику начиналась еще раньше: «в десятый день сего месяца пусть возьмут себе каждый одного агнца... и пусть он хранится у вас до четырнадцатого дня сего месяца: тогда пусть заколет его все собрание общества Израильского вечером, и пусть возьмут от крови его и помажут на обоих косяках и на перекладине дверей в домах, где будут есть его; пусть съедят мясо его в сию самую ночь, испеченное на огне; с пресным хлебом и с горькими травами пусть съедят его» (Исхлд 12:3-8).

Всё ясно и просто, и никаких расхождений не должно возникнуть... если все пользуются одинаковым календарем. Но мы знаем, что и сейчас у нас есть старый и новый стиль, и есть свой календарь у иудеев, и свой у мусульман, и у многих других религиозных групп, так что далеко не просто бывает ответить на вопрос, какой сегодня день. Точно такие же разногласия возникали и прежде.

Тем более, что в древнем Израиле был принят лунный календарь, с месяцами по 29 или по 30 дней. Как нетрудно понять, до полного солнечного года 12 таких месяцев не дотягивают, так что приходится или вставлять дополнительный месяц в некоторые годы (так это выглядит у иудеев сейчас), или же дополнительные дни (такие варианты тоже в свое время существовали). Если этого не делать, то месяцы будут плавно переходить назад, и Пасха сначала будет праздноваться весной, потом зимой, потом осенью, наконец, летом и снова весной (именно так выглядит сегодня мусульманский календарь).

Наконец, в те времена Иудея была частью Римской империи, в которой был свой календарь, и вполне вероятно, что иудейский календарь как-то согласовывался с греко-римским (как на это указывает, например, Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» 3.10.5., отождествляя нисан с греческим месяцем ксантиком, примерно совпадающим с нашим апрелем). А греко-римский календарь, дошедший до нас с некоторыми изменениями, уже не привязан к фазам луны, и, строго говоря, 15-е нисана, если считать по иудейскому календарю, далеко не всегда приходилось на 15-е или любое другое число месяца ксантика-апреля. Если же такая привязка действительно произошла, значит, религиозные вожди иудеев пошли на определенный компромисс и отказались от традиционного календаря. А кто-то мог и не согласиться с такой реформой и продолжать считать даты «по старому стилю». Впрочем, свидетельство Флавия слишком кратко, чтобы о чем-то судить наверняка, он мог просто иметь в виду, что нисан приходится на то же время года, что и ксантик-апрель, а вовсе не утверждать полное тождество двух календарей.

Главное, что любая календарная система нуждается в некоторой авторитетной санкции: кто-то должен объявлять начало месяца, день праздника, определить, когда именно вставляется дополнительный месяц. Естественно, в Иерусалиме эти вещи находились прежде всего в ведении Синедриона, верховного совета иудеев. Но и в нем не было единомыслия – мы знаем о разногласиях между фарисеями, которые следовали многочисленным преданиям, и саддукеями, строго отсекавшими всё, что не поддерживалось, по их мнению, буквой Священного Писания. А что уж и говорить о ессеях и подобных им группировкам, которые не признавали особого авторитета ни за саддукеями, ни за фарисеями, ни за Синедрионом! Нет ничего удивительного в том, что среди рукописей Мертвого моря, например, был обнаружен свой, особый календарь, не совпадавший с иерусалимским; весьма вероятно, что им пользовалась Кумранская или какая-то иная община, а даже если и не пользовалась, то, по крайней мере, с иерусалимским времяисчислением составители этого календаря точно не были согласны. Разумеется, и Пасху они праздновали в разное с Синедрионом время.

Могло ли быть так, что Христос с апостолами отпраздновал Пасху по другому календарю, чем фарисеи, дистанцируясь тем самым от них? В принципе, могло. Но сомнений остается все же очень много: Христос, постоянно вступая в конфронтацию с фарисеями по разным поводам, нигде не возражал против храмового богослужения, как, судя по всему, возражали представители Кумранской общины, специально бежавшие в пустыню подальше от нечестивцев, захвативших Храм. Нет, Христос полностью следовал традиционным обрядам, посещал Иерусалим на праздники в то же время, что и остальной народ. Вот и сейчас Он пришел в Иерусалим в обычное время храмового праздника, вместе со множеством паломников. Не похоже, чтобы так Он стремился подчеркнуть разницу между храмовым календарем и каким-то другим, более правильным. Да и вообще, вся суть Его учения заключается в том, что приблизилось Царствие Божие, а не в том, 14-м или 15-м днем месяца нисана следует считать эту пятницу. Подобная придирчивость к внешней стороне дела характерна скорее для фарисеев.

Впрочем, тут может возникать и путаница с терминами. Еще раз сравним две цитаты: «в четырнадцатый день месяца вечером Пасха Господня, и в пятнадцатый день того же месяца праздник опресноков» (Исход 12:3) и «в первый день опресноков, когда заколали пасхального агнца...» (Мк 14:12). То есть, согласно Исходу, «первый день опресноков» следует за пасхальной трапезой, это 15-е нисана, а согласно Марку – он и есть день заклания агнцев, 14-е нисана. А может быть, Марк вообще имеет в виду день, когда иудеи, как они это делают сегодня, накануне Пасхи избавлялись от квасного хлеба? И тогда это может быть и вовсе 13-е число! Правда, пасхального агнца должны были заколоть непосредственно 14-го, но, может быть, когда в большом городе Иерусалиме толпы паломников и местных жителей устремлялись в храм со своими барашками утром 14-го (ведь им предстояло еще разделить и приготовить свое мясо), и чтобы все смогли совершить свою жертву, резать их начинали заранее? Тот же Иосиф Флавий сообщает, что на Пасху 70-го года н.э. было принесено в жертву более четверти миллиона животных («Иудейская война» 6.9.3.)! Даже если он сильно преувеличивает, можно представить себе, что очередь к храму, где заколали скот, выстраивались задолго до назначенного времени.

Мы не знаем этого наверняка, но вполне можно предположить, что указания Писания могли и не соблюдаться так строго. Говоря современным православным языком, есть устав, а есть обиход, по которому порой утреню служат вечером, а вечерню – утром. Читаем мы, например, и в Евангелиях двух первосвященников (Анне и Каиафе, Лука 3:2), хотя должность это была несменяемая, и при жизни одного не могло быть никакого другого. Иными словами, Пятикнижие описывает идеальную ситуацию, как должна праздноваться Пасха, а Евангелия – ситуацию реальную, как именно она праздновалась в тот год. Нет ничего удивительного в том, что между идеалом и реальностью была некоторая разница.

Итак, если давать оценку гипотезе двух разных календарей, то довольно трудно представить себе, чтобы в одном и том же Иерусалиме следовали двум принципиально разным календарям (фарисейскому и саддукейскому? строго иудейскому и гармонизированному с греко-римским?), к тому же с разницей, по-видимому, всего в один день. Но можно предположить, что пасхальные обряды не всегда совершались в строгом соответствии с требованиями Пятикнижия, или же что Евангелисты выражались не с терминологической точностью, а несколько приблизительно («как раз наступала Пасха, она же Праздник опресноков...»)

Но и в этом случае остается вопрос: кто точнее передает хронологию событий, синоптики или Иоанн?

Так когда же была иудейская Пасха?

Сначала предположим, что точны синоптические Евангелия: Тайная Вечеря состоялась вечером 14-го нисана (по храмовому календарю), и была именно пасхальной трапезой. Следующий день, пятница, был 15-м днем нисана, началом недельного Праздника опресноков. Тогда придется предположить, что Иоанн просто ошибся на один день, неточно вспомнил эти события.

Но это не самое большое противоречие, с которым сталкивается такая теория. Тогда получается, что для ареста Иисуса и спешного суда над ним иудейские духовные вожди выбрали саму пасхальную ночь, когда все иудеи совершали свое главное празднество. Далее, окажется, что Пилат отпускал на Пасху одного заключенного уже после завершения пасхальной трапезы, и что распятие Христа состоялось в первый, самый торжественный день Праздника опресноков. И даже Симон Киренеянин, который шел в этот день «с поля» (Марк 15:21, ср. Матфей 27:32 и Лука 23:26), не обратил никакого внимания на праздник и занимался обычным земледельческим трудом.

Если честно, в это трудно поверить. Получается, что и члены Синедриона, и Пилат выбирают для расправы над Иисусом самый светлый праздничный день в году. Да, они были жестокими и равнодушными политиками, но они явно не были идиотами. Они должны были понимать, что бессудная расправа и страшная казнь в самый светлый день могут скорее спровоцировать то, чего они старались избежать: народные волнения. Наконец, к чему было так торопиться? Можно было подождать, пока пройдет празднество, или хотя бы самый первый его день, и лишь тогда устроить судилище и казнь.

Но спешка получает прекрасное объяснение, если мы предположим, что казнь состоялась как раз накануне Пасхи, как утверждает Иоанн. Тогда и Пилат отпускает узника как раз в тот момент, когда он еще успевает принести в жертву своего барашка и полноценно участвовать в празднике, и Симон Киринеянин заканчивает труд в предпраздничный день пораньше, чтобы успеть со всеми приготовлениями (почему это он шел с поля утром?), и члены Синедриона спешат на ночное судилище, чтобы закончить это грязное дело и со спокойной душой возлечь за праздничным столом.

Получается, прав Иоанн? Но что тогда делать со свидетельствами синоптических Евангелий?

По-видимому, стоит предположить, что они говорили не столько о начале непосредственно пасхальной трапезы, сколько о приготовлениях к Пасхе вообще. Вот уже пекутся опресноки, вот уже кто-то отправляется в Храм, чтобы успеть зарезать барашка... «В первый день опресноков, когда заколали пасхального агнца, говорят Ему ученики Его: где хочешь есть пасху? Мы пойдем и приготовим» (Марк 14:12,

ср. Лука 22:7-9). Как мы уже выяснили, в «первый день опресноков», если понимать это выражение строго терминологически, готовить поздно: пасхальный агнец уже должен быть съеден. А вот в канун праздника задавать такой вопрос куда как уместно! Тем более, что этого самого барашка еще, вероятно, предстоит купить, равно как и прочие припасы к празднику... Мы читаем, правда, не у синоптиков, а у Иоанна: когда Христос отправляет Иуду прочь, «как у Иуды был ящик, то некоторые думали, что Иисус говорит ему: купи, что нам нужно к празднику, или чтобы дал что-нибудь нищим» (Иоанн 13:29). Ясное указание, что в ту ночь люди только еще начинали приготовления к празднику.

Итак, можно представить себе такую сцену: накануне праздника ученики спрашивают Иисуса, где они встретят сам праздник. Еще бы, нужно столько всего приготовить заранее! С их стороны было бы крайне непредусмотрительно задавать такие вопросы в тот час, когда уже пора приступать к самому празднеству. Неожиданно Иисус посылает их в дом, где, оказывается, всё давно готово. Необычным был сам ориентир: мужчина, несущий воду (Марк 14:13, ср. Лука 22:10), ведь эта обязанность всегда считалась женской. Точно так же неожиданностью оказалась и «готовая горница» (Марк 14:15): оказывается, не надо ничего покупать, ни о чем заботиться, осталось только возлечь и насладиться пиром! Причем прямо сейчас.

У Луки (22:15-16) Христос говорит ученикам: «очень желал Я есть с вами сию пасху прежде Моего страдания, ибо сказываю вам, что уже не буду есть ее, пока она не совершится в Царствии Божиим». Может быть, это и есть ответ на не высказанный вопрос: почему Он так поторопился с пасхальной трапезой? Почему Он позвал своих учеников на нее заранее, до того, как к ней приступили остальные жители Иерусалима? И тогда становится понятно, почему никакого барашка не упоминают и синоптические Евангелия. В эту ночь Агнец был среди Своих учеников. Плоть Агнца стал хлеб, который Он Сам преломил. А обычные пасхальные барашки еще только блеяли где-то около храма...

Ветхозаветная Пасха начиналась с заклания агнца и продолжалась трапезой. На Новозаветной Пасхе порядок был обратным, и синоптические Евангелия подчеркивают пасхальную природу этой трапезы, а Иоанн (который наверняка знал эти Евангелия и стремился их именно что дополнить) подчеркивает, что распятие и погребение Христа состоялось именно в то время, когда приносили в жертву тысячи пасхальных агнцев. Его крестная смерть и была той самой Жертвой, которая раз и навсегда сделала ненужными любые другие жертвоприношения.

И тогда получается, что никакого, на самом деле, нет тут противоречия: есть лишь разные взгляды, разные описания, разные аспекты одного и того же таинства.

«Ты сказал»

В Евангелии от Матфея (26:63) первосвященник Каиафа во время «суда» над Иисусом после долгих прений задает Иисусу прямой вопрос: «заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий?» Ответ должен решить всё: если Он скажет «да», это будет поводом для обвинения в богохульстве, и первосвященник наконец-то получит бесспорный повод для смертного приговора, к которому он так стремится. А если ответит «нет», это перечеркнет многое сказанное Им прежде...

Ответ Иисуса звучит парадоксально: «ты сказал; даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных» (26:64). Так все-таки, отвечает Иисус «да» или «нет»? Среди толкователей до сих пор нет единого мнения, и Синодальный перевод тоже звучит довольно туманно. Более свободные переводы предлагают варианты вроде «ты сам так сказал» или «это ты сказал», которые звучат скорее как отказ, их можно понять в смысле «это только ты так говоришь, а не я!»

И причем тут Сын Человеческий? Это, конечно, ссылка на пророчество из книги Даниила (7:13-14): «...с облаками небесными шел как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его – владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится». Здесь говорится о Том, Кто в конце времен воссядет подле Бога, разделит с Ним власть над этим миром. Но относит ли Иисус эти слова к Себе Самому, или говорит о ком-то другом?

Нередко трудное место из одного Евангелия можно лучше понять через сопоставление с параллельными рассказами других Евангелий, и это как раз такой случай. Итак, у Марка (14:62) Иисус отвечает прямо: «Я». Это заставляет нас думать, что ответ все же был однозначно положительным, и Марк, который говорил только о самом главном, передал суть ответа, но не его словесную оболочку.

У Луки (22:67-68) всё расписано еще более подробно. Иисус сначала отвечает совсем уклончиво: «если скажу вам, вы не поверите; если же и спрошу вас, не будете отвечать Мне и не отпустите Меня». Он как будто уходит от разговора, убедившись в его бесполезности... вспомним, что это было ночное судилище в Синедрионе, и Он прекрасно понимал, что от ответа зависит Его дальнейшая земная судьба. В этом ответе звучат независимость и уверенность: да, внешне всё выглядит так, как будет это они собрались судить Его, и они действительно в состоянии вынести некое решение, но на самом деле Он не играет по их правилам. Они хотят или заставить Его отречься, или сказать то, что станет поводом для приговора, как это было и раньше, например, с вопросом о том, надо ли платить подать кесарю (Матфей 22:17 и пар.). Но Он не просто слышит вопрос, а понимает, зачем такой вопрос задается, и отвечает не на него, а на ситуацию, в которой он прозвучал, на стремления и ожидания говорящего с Ним человека.

Но, согласно Луке, члены Синедриона все-таки настояли на ответе, причем выглядел он таким же двусмысленным, как и у Матфея: «И сказали все: итак, Ты Сын Божий? Он отвечал им: вы говорите, что Я». Снова этот загадочный оборот: «ты говоришь». Зачем он употреблен?

Обратим внимание на еще одно параллельное место, но уже в самом Евангелии от Матфея, в той же главе (26:25). Иисус предсказывает, что один из учеников предаст Его, и они, ошарашенные этой новостью, стали спрашивать: «Не я ли?». Как ответил им Иисус, и ответил ли вообще, Матфей нам не сообщает, но он добавляет: «При сем и Иуда, предающий Его, сказал: не я ли, Равви? Иисус говорит ему: ты сказал». Это явно не случайное совпадение, два одинаковых ответа на два разных вопроса в пределах одной и той же главы – при том, что в Новом Завете больше нигде такая краткая фраза не встречается.

С Иудой всё намного понятнее. Он уже решил на предательство, и об этом знает Иисус, но не знают еще другие ученики. И вот когда они, охваченные волнением, спрашивают «не я ли?», Иуда присоединяется к ним – видимо, не хочет раньше времени обнаруживать себя, да и вообще как-то неловко бывает в такой момент промолчать. Иисус отвечает ему, и в этом ответе звучит: «Да, именно ты, как сам ты и сказал, но это не Я объявляю тебе об этом. Ты сам знаешь ответ, и сам примешь решение, как тебе поступить». У Иуды свои расчеты, свои планы – но при этом получается так, что его уста произносят истину, даже помимо его желания. Так получилось и с первосвященником.

Иисус, казалось бы, мог бы ухватиться за эти слова, ответить Иуде: «да, именно ты и замыслил предательство», и первосвященнику тоже мог заявить о Себе как Сыне Божьем, и немедленно призвать Каиафу последовать за Ним, как призывал Он апостолов. Но Христос уважает чужую свободу, Он оставляет человеку право не просто на заблуждение, но на предательство, и Он Сам готов заплатить за это предательство полную цену. Как и Иуда, первосвященник строит свои собственные расчеты и планы, и Христос оставляет ему свободу выбора – но при этом отмечает, что произнесенные им слова действительно что-то значат.

«Не я вынуждаю тебя говорить такие слова, ты сам сказал их – так решай же, как поступить теперь, что значат они в твоей жизни, будешь ли ты вести себя в соответствии с ними» – так говорит Он не только

Иуде или Каиафе, так, наверное, может Он обратиться и ко многим христианам, которые слишком легко говорят слишком правильные слова. А что же получится в итоге? Увидим... когда Сын Человеческий явится во славе. Это Он нам ясно сообщил.

Воскресшие прежде Христа

В описании распятия Христа у Матфея мы встречаем странный эпизод, которого нет у других евангелистов. В момент смерти Спасителя «гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли и, выйдя из гробов по воскресении Его, вошли во святой град и явились многим» (27:52-53). Казалось бы, это было великим чудом, почему же об этом говорит только Матфей, да и то мельком? Кто вообще были эти люди, почему они воскресли?

Прежде всего отметим, что это было не единственное яркое событие, сопровождавшее смерть Христа и упомянутое Матфеем. Одновременно произошло землетрясение и разодралась в Храме завеса, отделявшая Святое Святых от остальной части Храма. Она была своего рода символом непроницаемой преграды между Богом и людьми – входить за нее имел право только первосвященник, и только один раз в год, во время особого ритуала. Об этой завесе упоминает также Марк, и он вместе с Лукой говорит о римском сотнике, который сразу после смерти Христа назвал его Сыном Божиим. Что важнее, слова одного сотника, к тому же язычника (он мог и не вкладывать в слова «сын Божий» того же смысла, что и мы), или воскресение «многих усопших святых»? Конечно, воскресение, но эту деталь приводит только Матфей.

Надо признать, что мы ничего не знаем об этих людях – кто они были, почему воскресли именно они, а не кто-то еще. Все четыре Евангелия рассказывают лишь о небольшой части тех событий, которые происходили с Христом и вокруг Него, выбирая то, что особенно значимо, и у каждого из евангелистов были при этом своеобразные цели и задачи. Этот эпизод еще раз показывает нам, как мало нам на самом деле известно.

Матфей обращался, прежде всего, к иудеям и выбирал именно те эпизоды евангельской истории, которые были значимы для них, которое могло быть им понятно без излишних рассуждений и объяснений – а вот исповедание римского сотника, первого язычника, имело значение для всех. Во-первых, многие иудеи помнили пророчество Иезекииля: «так говорит Господь Бог: вот, Я открою гробы ваши и выведу вас, народ Мой, из гробов ваших и введу вас в землю Израилеву. И узнаете, что Я Господь...» (37:12-13). Ведь святые в Библии – это не какие-то особые люди, добившиеся исключительных результатов в аскезе и добрых делах, а весь народ Божий, избранный для служения Ему.

Но дело не только в пророчествах. «Господь посетил народ Свой» – так говорили израильтяне о вмешательстве Бога в свою жизнь. Не случайно так много рассказывается в Евангелиях об исцелениях, изгнании бесов и даже воскресении мертвых. Да, болело и умирало намного больше людей, чем те, кому помог Христос, и даже для исцеленных дальнейшая земная жизнь не обещала быть вечной и беспечальной. Но если Господь посещает свой народ, нет места скорби, болезни и смерти, как на ярком солнечном свете не может быть никакой тьмы. Но Господь – Бог Авараама, Исаака и Иакова, то есть не мертвых, но живых (от Матфея 22:32), и за пределом земной жизни эта связь между Господом и Его народом не разрывается.

Возвращение к жизни этих людей, еще прежде Воскресения самого Христа, ясно показывало иудейским читателям, что смерть на кресте вовсе не была поражением Того, Кто казался Мессией, но так и не смог победить римлян. Напротив, она стала главным событием того самого посещения свыше, которого так долго ждал весь израильский народ. И это означало, что наступает «День Господень», когда всё меняется, и нет больше непроходимых преград, даже между мертвыми и живыми, но все едины пред Богом.

То же самое означали разодранная завеса в Храме – устранение непреодолимой прежде преграды между Богом и людьми, а равно и исповедание сотника – падение стены между иудеями, верившими в Единого Бога, и язычниками, почитавшими множество божеств. И об этом ведь тоже предупреждали пророки, говоря о том, что израильский народ, призванный являть в этом мире веру в Бога, станет в последние времена центром притяжения для всех язычников: «будет в те дни, возьмутся десять человек из всех разноязычных народов, возьмутся за полу Иудея и будут говорить: мы пойдем с тобою, ибо мы слышали, что с вами Бог» (Захария 8:23). Эти времена наступили, ясно говорит иудеям евангелист Матфей, и теперь пора действовать, пора соответствовать своему призванию.

Отчего же было не рассказать об этом римлянам и эллинам? Иными словами, почему об этом умолчали Марк и Лука? Можно объяснить их молчание тем, что они просто ничего не знали достоверно об этих воскресших: Марк вообще написал лишь о самом главном, Лука сам не был свидетелем этих событий и опирался на тщательно отобранные свидетельства других людей. Но можно предложить и другое объяснение: языческих читателей этот рассказ о воскресении многих только отвлекал бы от главного. Цель Евангелий не в том, чтобы поразить читателя многочисленными чудесами, а в том, чтобы рассказать всё самое главное о Христе, и быть при этом правильно понятыми читательской аудиторией. Вот почему исповедание сотника оказалось уместнее воскресения мертвых.

О чем же напоминает этот рассказ нам сегодня? Разумеется, о победе Христа над смертью, и о Его сошествии во ад, который вынужден был теперь отпустить многих своих пленников (хотя обычно это сошествие связывается все же не с воскрешением мертвых). Но не только об этом, если мы вспомним о

первых читателей Матфея. Сегодня об Иисусе из Назарета говорят по-разному... Одни видят в Нем великого проповедника и даже пророка, который, к сожалению, не был понят своими современниками и потому трагически погиб. Другие, наоборот, подчеркивают значение Его смерти и воскресения, но при этом «отрывают» Его от Ветхого Завета, от истории израильского народа.

Рассказ Матфея о разорванной завесе, воскресших мертвецах и исповедании сотника ясно говорит нам: служение Христа было продолжением Ветхого Завета и исполнением пророчеств, а Его смерть на кресте, за которой последовало Воскресение, была не ошибкой и не случайностью, а победой над смертью и главным событием в этом служении, в истории Израиля и всего человечества. Так с самого начала верили христиане.

Не только Евангелие: нагие и голые

Однажды две маленькие девочки рассматривали альбомы по искусству. «Они же тут все голые!» – захихикала одна, показывая на картины великих мастеров. «Это ты будешь голая, если разденешься, – рассудительно ответила ей подруга, – а они обнаженные!» Мне не известно точно, на какие картины или скульптуры смотрели эти девочки – может быть, как раз на изображения Адама и Евы. Но вторая девочка очень точно уловила суть дела: бывает непостыдная нагота, которая свидетельствует о красоте человеческого тела, именно ее и воспевали художники всех времен и народов. А бывает состояние униженного, беззащитного, опозоренного человека, которое мы и называем словом «голый». Даже если один человек застал другого без одежды совершенно случайно, если он немедленно вышел или зажмурился – оба все равно будут воспринимать это происшествие как что-то очень стыдное, порой даже разрушительное для их отношений.

Понятие «одетости», конечно, различается в разных культурах и даже в разных ситуациях внутри одной культуры. Где-то требуется сложный костюм из множества предметов, оставляющий открытыми только кисти рук и лицо (а иногда и они скрываются), где-то гостей можно встречать в узенькой набедренной повязке и бусах. Но представление об одежде, отсутствие которой означает позор, свойственно почти всему человечеству, и доводы принципиальных нудистов, которые призывают отказаться от прежних стереотипов и раскрепоститься, воспринимаются очень немногими.

Так проявляется на самом деле, это можно назвать родовой памятью человечества о том, что случилось в эдемском саду. Разумеется, поэтический язык первых глав книги Бытия, где описывается эта история, в высшей степени метафоричен, поэтический, поэтому нам трудно бывает понять, какая именно реальность скрывается за тем или иным словом, образом, описанием. Но, с другой стороны, общие идеи Библия излагает вполне ясно.

Итак, об Адаме и Еве после сотворения говорится: и были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились (Бытие 2:25). Здесь употреблено еврейское слово *אָרֹם* (аром), которое обычно обозначает непостыдную наготу. В таком виде рождаются младенцы (Иов 1:21 и Екклесиаст 5:14), в таком виде могли находиться даже пророки, возвещавшие некую важную весть (Исаия 20:2-4). Сравнение с младенцами особенно важно для нас: маленький ребенок не знает стеснения, потому что ему нечего скрывать, особенно перед своей матерью. В радости или горе он бежит прежде всего к ней, чтобы поделиться любовью или получить утешение. Он легко и естественно может быть в ее присутствии самим собой, и ему нет никакой нужды что-то прятать.

Таковыми были перед Богом и Адам с Евой, и друг от друга им было нечего скрывать. И теперь только иногда возвращается к нам тень этого состояния непостыдной наготы – между людьми, которые бесконечно любят друг друга и доверяют друг другу...

А что произошло дальше? Эту историю помнят практически все: змей уговорил Еву сорвать запретный плод, а Ева поделилась им с Адамом. В змее обычно видят сатану – падшего ангела, который сознательно выбрал борьбу против Бога, и постарался привлечь на свою сторону первых людей, заставив их нарушить один-единственный запрет и тем самым начать жить по своей, а не по Божьей воле.

Но здесь от нашего внимания ускользает еще одна важная деталь, если мы только не читаем книгу Бытия на языке оригинала – древнееврейском. Там ничего не говорится о змее как о сатане, но ему дана довольно странная характеристика: змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог (Бытие 3:1). И больше о нем не сказано ничего. При чем здесь эта хитрость? Дело в том, что на еврейском языке слово «хитрый» произносится и пишется почти так же, как и «нагой»: *אָרֹם* (арум).

Что предложил змей Еве? Пойти на определенную хитрость. Он сказал, что Бог запретил людям вкушать плоды с древа познания добра и зла, потому что, вкусив их, они сами стали бы богами. И Ева, как мы теперь знаем, согласилась со змеем, а потом убедила и Адама. Они вкусили плодов с древа познания добра и зла.

И вот теперь новое знание действительно пришло к Адаму и Еве. Но узнали они совсем не то, что собирались: и открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания (Бытие 3:7). Наш Синодальный перевод никак не отмечает эту разницу, но в оригинале здесь стоит другое слово, чем в рассказе о непостыдной наготе. Здесь стоит слово *אֵיֶרֶם* (эйром). Это не «нагой», а именно что «позорно голый»: так выглядят угнанные в рабство пленники (Второзаконие 28:48) или женщины, с которых насильно срывают одежду (Езекииль 16:39). Невинная нагота младенчества сменилась мучительной неодетостью подростка, который сам стесняется собственного тела и старательно прячет его от других.

По сути дела, это история о том, как невинно-нагие (аром) люди захотели стать хитрыми (арум), а в результате обнаружили, что они голые (эйром).

Что же произошло дальше? И воззвал Господь Бог к Адаму, и сказал ему: «Где ты?» Он сказал: «Голос Твой я услышал в раю, и убоился, потому что я наг, и скрылся». И сказал Господь Бог: «Кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?» (Бытие 3:9-11)

Основной смысл этого разговора вполне понятен: Бог не сразу осуждает людей, он оставляет им возможность для раскаяния и даже Сам подталкивает их к этому, как и разумный родитель не торопится наказывать непослушного ребенка. Любое непослушание поправимо, если есть главное – доверие, если есть желание совместно найти выход из сложной ситуации.

Но почему такое важное место отведено в этом диалоге наготы? Ведь совсем не она была главной в истории о грехопадении. Видимо, потому, что вся эта история построена вокруг противопоставления двух состояний наготы: первой, невинной, когда человеку нечего скрывать от Бога и от другого человека, и второй, мучительной и постыдной, которая заставляет прятаться и оправдываться. Ее осознание не появляется само, кто-то или что-то должно сказать об этом человеку – и «глаза открывает» ему не столько сам плод, сколько сознание того, что единственная заповедь Бога нарушена и теперь человеку есть, что от Него скрывать.

Особенно хорошо становится это видно, если посмотреть, как развивается далее диалог Бога и людей. На вопрос, не ели ли он плодов запретного дерева, Адам отвечает: «Жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел». И сказал Господь Бог жене: «Что ты это сделала?» Жена сказала: «Змей обольстил меня, и я ела». (Бытие 3:12-13). Словом, виноват кто угодно, но только не я: змей, жена, или даже Сам Бог, который дал мне эту жену. Человек, совершивший грех, не может больше выходить навстречу Богу радостно и открыто, он прячется за других людей, чужие слова, поступки и обстоятельства жизни, как прячет он свое тело за одеждой. Вместо правды приходят оправдания.

Собственно, вся остальная Библия – рассказ о том, как трудно и мучительно возвращалось человечество от этих оправданий к утраченной правде, как заново училось оно «нагоде перед Богом», когда ты не пытаешься кого-то из себя изобразить, а остаешься в Его присутствии тем, кто ты на самом деле есть. Этим, кстати, объясняется в Библии очень многое. Например, когда мы читаем в Псалтири проклятия в адрес врагов или хвалу в свой собственный адрес, нам кажется это чем-то неприличным: воспитанные люди так не говорят. Но это пример той самой наготы перед Богом, когда человек приносит Ему все свои чувства и состояния без прикрас, искренне говорит Ему, что чувствует и чего желает. Да, перед другими людьми мы не можем и не должны настолько раскрываться, потому и придумывают люди одежду приличия и вежливости, но даже самый роскошный наряд ничего не скроет от глаз Бога.

Можно только надеяться, что в Царствии Небесном у преображенных, изменившихся людей уже не будет повода стыдиться Бога и друг друга. Английский писатель К.С. Льюис в своей замечательной книге «Расторжение брака», описывая обитателей рая (или, точнее, преддверия рая) образно говорил об этом так: «Одни были одеты, другие обнажены, но обнаженные были нарядны, а одежды не скрывали прекрасных очертаний тела». Хочется верить, что это действительно возможно, и что первый шаг к этой нарядной нагоде мы делаем у крещенской купели – когда не просто снимаем с себя одежду, а обращаемся к Богу с доверчивостью младенца, которому ничего не надо скрывать.

Не только Евангелие: что Павел советовал рабам?

В Библии иногда встречаются стихи, которые могут пониматься в прямо противоположных смыслах. Их не так уж и много, но они есть, и заметить их может далеко не только специалист по библеистике, но и любой внимательный читатель, сравнивающий два или три разных перевода. Причем для этого не обязательно брать какие-то экзотические издания, разночтения могут проявиться и в старых, хорошо знакомых и консервативных переводах. Вот, к примеру, 21-й стих 7-й главы 1-го Послания к Коринфянам:

- Раб ли призван был еси? да не печалишия; но аще и можеша свободен быти, больше поработи себе. (*Церковно-славянский перевод*)
- Рабом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся. (*Синодальный перевод*)
- Рабом ли ты призван, – не беспокойся, но если и можешь сделаться свободным, лучше воспользуйся. (*перевод под ред. еп. Кассиана Безобразова*)

Понятно одно: Павел обращается к рабам, которые стали христианами, и говорит им, что ничего позорного в рабском звании для них. Но вот что он советует делать в ситуации, когда раб может получить свободу, остается совершенно неясным. То ли он предлагает отказаться от нее и еще в большей степени поработить себя (так в церковнославянском тексте), то ли, напротив, использовать эту возможность (так в переводе еп. Кассиана). Синодальный перевод выражается двусмысленно, по-видимому, предлагая рабам самим определять, что в данном случае будет для них лучше всего.

Обращение к греческому оригиналу не намного проясняет картину. Два слова, которые так по-разному переводятся – *μᾶλλον χρῆσαι* – с точки зрения грамматики очень неоднозначны. Первое можно понять и как наречие «больше/лучше», а второе – это повелительное наклонение глагола, имеющего значение «пользоваться» или же «подчиняться». Вот и выходит: «лучше воспользуйся» (этой возможностью), или «воспользуйся лучшим», или «(еще) больше подчинись».

При этом у раннехристианских экзегетов, судя по всему, этот стих не вызывал особых споров. Ссылки на него найти довольно трудно – значит, о нем не спорили, его не считали необходимым подробно объяснять. Самое раннее упоминание мне удалось обнаружить у Игнатия Антиохийского в Послании к Поликарпу (4.3): «пусть (рабы) еще больше подчиняют самих себя, ради славы Господа, с тем, чтобы обрести от Бога лучшую свободу». Тертуллиан в трактате «О единокровии» (11.12) упоминает это повеление Павла мимоходом, как совершенно очевидную и всем понятную иллюстрацию принципа «каждый оставайся в том звании, в котором призван». Что действительно интересует Тертуллиана, что явно служило предметом спора, так это вопрос о допустимости повторных браков в случае смерти супруга, но с рабами, видимо, всем всё было понятно и говорить было не о чем. Ориген в Комментариях на Послание к Римлянам (1.1) идет еще дальше и понимает эти слова как относящиеся не к рабам, а к супругам, которые подчинены друг другу. Соответственно, он тоже не сомневается, что Павел здесь советует рабам-супругам оставаться в их нынешнем состоянии, чтобы свобода одного не послужила причиной падения другого.

Казалось бы, вопрос закрыт – Отцы Церкви, которые сами хорошо говорили на языке Нового Завета, понимали этот стих вполне определенным образом, можно ли понимать его иначе?

Оказывается, можно, и у современных библеистов, большинство из которых понимает этот стих по-другому, есть вполне убедительные аргументы. Во-первых, Павел использует союз «но»: не смущайся, что ты раб, но... – тут логичнее смотреть продолжение «если можешь освободиться, сделай это». Кроме того, глагол стоит здесь в форме аориста (приблизительно то же самое, что и совершенный вид в русском языке). Соответственно, Павел советует совершить однократное действие, и «воспользуйся» подходит тут лучше, чем «постоянно оставайся».

Так что же тогда, неправы были Отцы? Такой вывод я бы тоже не стал делать. Текст действительно многозначен, он допускает различные интерпретации. Нет ничего удивительного в том, что люди выбирают то или иное прочтение в зависимости от своей конкретной ситуации, от общества, в котором живут. В древности, когда рабство было всеобщим, людям казалось более естественным, что апостол ратует за сохранение существующего порядка. Но сегодня, когда мы относимся к рабству как к чему-то запредельно жестокому и несправедливому, мы прочитываем эти слова иначе.

Да на самом деле разница между двумя вариантами не так уж велика: Павел в любом случае говорит рабам, что в их положении нет ничего постыдного, но оставляет за ними принципиальную возможность освободиться, ведь его слова звучат как совет, а не как категорический запрет чего-то греховного. Пожалуй, Синодальный перевод со своим «примирительным» вариантом (дескать, смотри сам, что будет лучше) оказывается мудрым компромиссом: разными бывают люди, времена и конкретные ситуации, а решать все равно каждому предстоит за себя.